

**Арте
факт
детектив**

Старинная легенда гласит, что маска зловещего Короля крыс дарует своему владельцу безграничную власть над людьми. Но и в наши дни она притягивает к себе преданных последователей Зла...

ЕКАТЕРИНА ЛЕСИНА

**Маска
короля**

ЭКСМО

Екатерина Лесина

Маска короля

Серия «Артефакт-детектив»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170161

Маска короля: Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-26825-2

Аннотация

Когда в ее доме возник этот незнакомец, назвавшийся Локи, и рассказал пугающую легенду о старинных масках, олицетворяющих человеческие пороки, Лия почему-то совсем не испугалась. Наверное, потому, что уже видела одну из них – на рисунке девочки из интерната, где Лия работала воспитательницей. Правда, много узнать ей не удалось – ее обычно спокойные и мирные воспитанницы подрались из-за рисунка. И вот теперь Локи утверждает: главная маска – Короля крыс – должна быть уничтожена, только тогда ее владелец потеряет свою мистическую власть над людьми. Маска как-то связана с интернатом, и Лии угрожает опасность, ведь она пришла работать на место девушки, погибшей при странных обстоятельствах...

Содержание

Лия	19
Дед Мороз	35
Локи	42
Лия	46
Локи	47
Лия	50
Локи	56
Лия	57
Локи	69
Лия	71
Локи	75
Лия	80
Дед Мороз	82
Лия	97
Локи	103
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Екатерина Лесина

Маски короля

Вот и конец, маска готова, как раз вовремя – сейчас объявится заказчик. Странная личность, страшная, и заказ у него необычный, но мастер тоже не прост – лучший в Петербурге. Тридцать лет своей жизни он изготавливал маски: грустные, веселые, смешные и ужасные, из бархата, шелка, тафты, серебра или золота. Украшенные перьями, бисером, росписью, скатным жемчугом, рубинами и даже алмазами. Всякие. Только такой еще не было. И почему он не отказался от этой работы?

Заказчик явился в рябиновую ночь – особое время, когда вот-вот распустятся неказистые белые цветы рябины, и первая майская гроза, прилетевшая на их запах, яростно и гневно вгрызается в пропахшие пылью улицы старого города. Мария, старая ведьма, любила приговаривать, что именно такие ночи – не для людей. Для кого, она не уточняла. Старые Боги. Старые Демоны. Боги ушли, а демоны остались, зло – вечно, в это Мария верила свято. Глупая баба, слушаешь ее сказки и сам не замечаешь, как начинаешь в них верить. Вот и тогда Мастер принял Заказчика за демона, уставшего и больного, как сам город, но тем не менее сильного и яростного, как рябиновая гроза. Принял – и сам посмеялся над собой. Какие демоны!.. Все эти Юноны, Зев-

сы и Прометей, личины коих он создавал неисчислимое количество раз, не более чем выдумка жадной до развлечений знати. Бог един, и противник у него – тоже.

Мастер не удержался, рассказал пришельцу о своих мыслях, и о сказках сумасшедшей старухи Марши, и о том, как легко в эти сказки поверить. Пришелец же выложил на стол тяжелый кожаный кошель и попросил сделать маску. Необычную маску. Король крыс, так он сказал. А тяжелые полы его мокрого плаща шевельнулись, и яркий живой огонь в камине съезжился – того и гляди погаснет. Огонь боялся человека в плаще, и даже после его ухода пламя горело слабо, словно через силу. Зачем Мастер согласился? Но таким людям не отказывают. Людям... Мастер не был уверен, можно ли считать странного пришельца человеком.

Две недели, и заказ готов. День и ночь. Ночь и день. Мастер не смел даже думать об отдыхе. Не из-за страха, в конце концов, он ведь человек, а не глупый огонь, пугающийся тени. Дело в другом: Мастер был одержим работой. Взяв в руки удивительно нежную, тонкую кожу, которую оставил заказчик, Мастер осознал, что все долгие годы его работы были всего лишь прелюдией к этому моменту. Ему предстоит сделать не просто очередную маску, пусть и несколько необычную, нет: он должен вложить в дело ни больше ни меньше чем свою душу, отдать ее, как любая мать, которая щедро делится со своим ребенком.

Две недели он не чувствовал вкуса пищи. Две недели он не

видел ничего, кроме этой кожи и этой маски. Две недели Король крыс приходил в его сны, объясняя, как и что следует сделать. Уже две недели Мастер жил, потеряв душу. Ее высосала Маска, всю – до самой последней капли страха, радости или боли; не осталось ничего, кроме щемящей бесконечной пустоты и равнодушия. Зато Король крыс жил. Мастер был готов поклясться: эта чертова маска действительно жила, смотрела на мир пустыми глазницами, жадно вдыхала запахи черным кожаным носом с усами из серебряной проволоки, впитывала звуки всей своей черной поверхностью. Кожу пришлось покрасить в черный цвет, таково было желание заказчика, и Мастер не осмелился перечить. Черный цвет, цвет угля, вороньего пера и воды из мертвого торфяного озера, удивительно шел маске, он ей нравился, такой неопределенный, гладкий, таинственный, с ним замечательно гармонировала блеклая желтизна острозубой золотой короны с огромным кроваво-алым рубином в центре. Рубин сиял, словно третий глаз, и золото терялось в его беспощадном сиянии, на глазах превращаясь в латунь.

Сегодня за маской придут. Наконец-то придут! Не нужно ему золото, Мастер был готов вернуть даже задаток, лишь бы Короля крыс забрали. Он чувствовал, как рядом с этой странной маской, сделанной его же руками, оживают все глупые легенды старой Мариш. Еще день, может, два, и он сойдет с ума. Тяжело жить без души. Король крыс усмехнулся, вот у него-то душа была, когда-то эта самая душа

принадлежала Мастеру, но...

– Он великолепен! – Как и в прошлый раз, человек в черном плаще появился ближе к полуночи. Правда, сегодня грозы не было, просто лил дождь. Длинный нудный холодный дождь: такого можно ждать в конце октября, но никак не в мае. Май – месяц гроз, а не долгих унылых дождей. Но Мастер не удивился, за последние две недели он устал удивляться.

– Я доволен, – сказал человек, примеряя маску. Ему пришлось откинуть капюшон, и Мастер напрягся, ожидая, что вот теперь-то он увидит его лицо. Лицо демона. Но нет, он не увидел ничего: маска легла на маску. Удобно! Первая – темно-синий шелк, непоседливый и текущий, даже превращенный в нечто, – например, в такую вот маску-лицо, – он не терял своих свойств. Маски из этого капризного материала любят эсеницы, солидные замужние дамы, матери уважаемых семейств, веселые вдовушки и молоденькие девушки, вышедшие замуж за пожилых, но очень представительных господ. Это замечательный способ остаться неузнанной. Маски призваны скрывать; главное – не забыть, что под ней у тебя есть и собственное лицо...

– Ты хороший мастер, – Король крыс обрел голос, глаза его засветились стальным блеском.

– Я рад, что вам нравится. – Слова давались тяжело, словно чья-то невидимая рука вцепилось в горло. – Материал хороший. Кожа... – Он не решился спросить, но Король крыс понял и сам. Он был догадливой тварью, черный демон!

– Тебе интересно, чья это кожа?

– Да... Хозяин. – Слово «хозяин» вырвалось само, выско-
чило на свободу, как дикий зверь, сорвавшийся с привязи.

– Хозяин? Впрочем... Из тебя выйдет хороший слуга. Ты
все правильно понял. Что до кожи, то ты и сам все знаешь?
Не так ли?

Мастер сглотнул. Знает, он ведь все знает!

– Не бойся, – в крошечных черных зрачках Короля крыс
отражалось ленивое пламя свечи. – Это ведь так просто...
Сказать...

И Мастер решился. Он ведь и правда догадался, сразу до-
гадался, как только прикоснулся к ней в первый раз. Мягкая,
нежная, тонкая, цвета лепестков розы – ни одно животное
не могло иметь такую кожу.

– Человек.

– Правильно. Человек. Женщина. Девушка. Молоденькая.
Очень молоденькая; у тех, кто старше двадцати, кожа зна-
чительно хуже и пахнет совсем по-другому, а нам нужно
самое лучшее. Ты ведь согласен?

– Да, хозяин.

– Я рад, что ты с нами. Предстоит еще много работы.

– Работы... – Эхом повторил Мастер, не в силах ото-
рвать взгляд от черных зрачков, в которых отражалось
пламя. Теперь огонь совершенно не боялся прищельца. Ры-
жие язычки сплетались в кольца, потом рассыпались тыся-
чей искр или распускались, подобно бутону сказочного цвет-

ка.

– У того, которого считают сыном Бога, было двенадцать учеников. Мне тоже нужны ученики.

– Тринадцать...

– Двенадцать. Тринадцатый – я. Двенадцать пороков рода человеческого. Первый – Зависть, второй – Жадность, третий – Ярость, четвертый – Ненависть, пятый – Трусость, шестой – Предательство. Они всегда идут рука об руку. Седьмой – Тщеславие. Осталось пять, это – мои любимые: Слепота – люди не желают видеть ничего, что может нарушить их уютное существование, Равнодушие – равнодушные люди сотворили гораздо больше зла, нежели все злодеи мира, вместе взятые. Фанатизм. Вера – удивительная субстанция, из нее можно построить и прекрасный воздушный замок, и крепость, способную выдержать любую осаду. Безумие – некоторые рождаются безумными, их не за что винить, другие же предпочитают сами уходить от своего разума, эти люди принадлежат мне. И последний – Любовь.

– Разве ж это грех?

– А разве я про грехи говорю? – В голосе Короля крыс слышалось раздражение. – Я говорю о пороках. Любовь – это порок, она делает людей слабыми и безумными: можно из-за нее убить, ограбить, и вообще – пусть мир захлебнется кровью в угоду любимой. Любовь – порок! Грех – это мимолетная ошибка, свершившийся поступок, в котором можно либо раскаяться, либо его повторить, порок же –

врожденная болезнь души. И чем сильнее душа больна, тем ближе она ко мне.

– Но церковь учит...

– Церковь, – рассмеялся человек в плаще, – церковь рассказывает о том, о чем она и понятия не имеет! Разве можно ожидать от демона, что он будет жить по законам, придуманным людьми? А церковь – не более, чем людская выдумка, оправдание существующих пороков, ведь всегда проще свалить вину на козлы дьявола, чем расписаться в собственной ущербности, да и надежду на спасение людям оставить надо. Всем и каждому: вору, убийце, стяжателю, генералу, одним мановением руки угробившему тысячи людей, проститутке. Ведь добрый боженка любит всех! Главное – покаяться! – Король крыс неожиданно замолчал.

– А вы, – Мастер даже зажмурился от страха, – вы разве не будете любить своих учеников?

– Любовь, – напомнил пришелец, – это порок. Нет, я не люблю их. Я просто собираю их вокруг себя. Они – крысы, я – Король крыс. Я зайду завтра, Мастер, будь готов.

Он приходил еще пять раз, чтобы забрать готовую работу и принести Материал для следующей.

Мастер успел сделать четыре маски.

Жадность: морда неизвестного зверя – не крысы, не змеи, не волка, просто лицо в ущербном зеркале. Черты размыты, но удивительно знакомы, кажется, еще чуть-чуть, и ты поймешь, кто скрывается за этой маской, серой, словно

пыль на золоте, к которому вот уже не одно столетие не прикасались человеческие руки.

Ярость: дикая, исступленная – полубык-получеловек. Для нее незнакомец принес особую краску, ярко-золотую, как огонь, и красную, будто артериальная кровь на клыках из папье-маше.

Безумие: слепок души, нагромождение ломаных линий, радуга – от девственно-белого цвета до смолисто-черного, как шкура Короля крыс. Золото и деревянные монетки. Жемчуг и осколки зеркала. Все и ничего.

И последнее его творение – *Любовь*. Две половины: левая – бирюза с серебром, правая – мумифицированные цветы и сусальное золото. Совершенная красота и совершеннейшее уродство, от которого невозможно отвести взгляд. Маска была почти так же хороша, как Король крыс, почти так же совершенна. Манящий призрак, сказка, готовая обернуться кошмаром. В ней недоставало одной мелочи – души. Ни в одной из малых масок не было души. Не было... Потому что ее не осталось и у Мастера. Король крыс не любил делиться. Душа появится уже потом, когда маска обретет своего хозяина. Отдать душу за *Любовь*? Мастер захихикал.

Стук в дверь. Сегодня Хозяин явился раньше, чем обычно, на целый час. Или это не он? Длинный черный плащ, похожий на кожистые крылья, сложенные за спиной. Капюшон скрывает лицо. Руки в перчатках. Он. Или не он?

– Что вам надо?!

Незнакомец протянул руки к маске, но Мастер первым успел схватить свое творение и прижал к груди. Он чувствовал исходящую от незнакомца опасность.

– Маска. Мне нужна эта маска. И все остальные. Сколько ты успел сделать?

– Четыре... Пять. Четыре и Король. – Мастер не боялся, после той, рябиновой ночи, он утратил способность бояться. Его спросили, он ответил.

– Много. – Человек в плаще был спокоен. – Ты выпустил много зла в этот мир. Зачем?

– Он... – внезапно Мастер ощутил, как к нему возвращается все: боль, страх, радость; старое сердце переполняется чувствами и от этого дребезжит, трепещет, готовое вот-вот разорваться. – Он забрал мою душу!

– Ты сам ее отдал, – заметил незнакомец. – Добровольно. Но ее еще можно вернуть. Пока не готовы все тринадцать масок, твоя душа – всего лишь залог.

– Что мне нужно сделать?

– Верни маски. Уничтожь их.

– Как? – Сама мысль о том, чтобы потребовать от Короля крыс маски, показалась Мастеру кощунственной. Уничтожить... Разве зло можно уничтожить?

– Вот так. – Маска Любви неожиданно оказалась в руках пришельца. Она смеялась. Тонко, загадочно улыбалась бирюзовой стороной, обещая этой своей улыбкой приоткрыть

многовековую завесу некой тайны, совсем чуть-чуть, но все-таки... Черно-золотая половина заходила в беззвучном хохоте, широко распахивая беспомощный рот, словно толстый, еще пока живой карп, вытащенный из пруда. Маска смеялась над ними.

Незнакомец задумчиво посмотрел в пустые глазницы: маска на маску, тень на тень, и одним неловким, но метким движением швырнул ее в камин. Пламя испуганно затрепыхалось и попыталось спрятаться среди углей, а маска закричала. Беспомощно. Беззвучно. Но этот недоступный человеческому уху звук рвал на части остатки души старого Мастера. Невыносимо! Это было просто невыносимо! Стекло, разлетевшееся вдребезги с истошным звоном. Пила, с яростью бешеного волка вгрызающаяся в мертвую плоть дерева. Крик поверженного врага, захлебывающегося собственной кровью. Прекратить! В голове осталась одна-единственная мысль: это нужно прекратить, и быстро, пока осмелевший огонь окончательно не разрушил творение рук его.

Незнакомец стоял спиной к Мастеру, наблюдая, как тонкие руки пламени, похожие на пушистые лисьи хвосты, тянутся к искажившемуся от ужаса лицу маски.

Нож сам лег в ладонь. Тяжелый нож с широким острым лезвием, подарок деда. Когда это было? Давно, очень давно. Подарок никогда его не подводил, вот и теперь он был готов помочь хозяину. Мастер размахнулся и изо всех сил

вонзил потемневшее от возраста лезвие в спину незнакомца. Тот упал. Теперь скорее... Мастер выхватил маску из камина голыми руками. Раскаленное серебро тут же сотней игл впилося в кожу. Пальцы... Теперь на пальцах останутся отпечатки. Навсегда. Как клеймо. Это и есть клеймо, вечное клеймо любви. Мастер прижал маску к груди, он что-то шептал, уговаривал, плакал, утешая ее, как дитя.

– Посмотри! – Он без сил опустился на пол рядом с телом человека в плаще. – Посмотри, что ты наделал! Ей больно!

– Глупец, – незнакомец был еще жив, но каким-то шестым чувством Мастер понял: это не надолго. Жизнь вытекала из него, словно вино из треснувшего бочонка.

– Я спас ее.

– Ты потерял свою душу, теперь – навсегда. – Под простой шелковой маской скрывалось самое обычное лицо. Лицо, которое Мастер видел не единожды. Лицо, для которого ему доводилось делать самые разнообразные маски, в том числе и эту, обыкновенную, из лилового шелка с черной подкладкой. Граф Андрей Ягузовский.

– У меня на шее крест. Серебряный. – Кровь пузырилась на губах молодого аристократа, но тот продолжал говорить. Ему нужно было успеть сказать все, пока непоседа-душа окончательно не покинет ставшее таким тяжелым тело. – Сними. Отдай сыну. Он должен закончить. Собрать маски. Иначе – иначе. Останови его...

Граф закашлялся, и это последнее усилие стоило ему

жизни. Мастер укоризненно покачал головой, глядя на застывшие, искаженные черты лица. Разве можно умирать так некрасиво? Эти пустые карие глаза, почему они глядят с таким укором? Он ведь не сделал ничего плохого. Он ведь только хотел защитить... Нужно закрыть глаза, мертвым не положено вмешиваться в дела живых. Мастер так и сделал, а потом, подумав, накрыл некрасивое лицо графа своей маской. Стало совсем хорошо. Правильно.

Странное дело, но пребывание в огне совершенно не повредило ей, маска стала только лучше. В ней появилась... Загадка. Легкая тайна, ускользающая сквозь грубые человеческие пальцы, подобно дыму. Теперь Любовь была совершенна. И абсолютно не гармонировала с маленьким серебряным крестиком на худой шее покойника. Мастер, наклонившись, снял крестик: пусть пока в кармане полежит. Отдать сыну... Насколько было известно старому Мастеру, у графа вообще не было детей...

Дальше все было как во сне или как в одной из страшных сказок глупой ведьмы Мариш: Король крыс помог ему избавиться от тела, он даже не удивился.

– Ты хороший слуга, – похвалил он Мастера, и алый рубин на зубастой короне ехидно подмигнул. – Ты будешь вознагражден.

Он забрал маску. Король крыс был и доволен, и печален: четыре вместо двенадцати. Мало. Очень мало. Но... Время истекло. Жаль, что другого мастера, который бы столь

верно ощущал истинную СУЩНОСТЬ, не найти.

На следующий день Петербург облетела страшная весть – молодой Ягузовский был найден мертвым практически на пороге своего дома. По версии полиции, граф стал жертвой собственной беспечности, маска и плащ свидетельствовали, что Андрей возвращался с некоего романтического свидания, иначе для чего ему потребовалось прятать собственное лицо? Вероятно, желая сохранить инкогнито, граф решил не пользоваться собственным экипажем, который так же хорошо знали в столице, как и самого Ягузовского. Вот и получилось, что до своего городского особняка ему пришлось добираться пешком. А Петербургские улицы – не самое лучшее место для ночных прогулок. Всех в основном волновала не сама смерть молодого аристократа, сколько личность таинственной незнакомки, назначившей графу трагическое свидание. Догадок хватало, но... Догадки – это всего лишь догадки, а тут и убийцы сыскались: какие-то нищие оборванцы, у которых полиция обнаружила вещи графа. Состоялся суд, потом казнь, но это было уже не так интересно, и вскорости о несчастном Ягузовском забыли.

Примерно в то же самое время в другом конце города произошло еще одно неприятное событие – сгорел дом известного на всю столицу мастера по изготовлению масок. Имени его никто не знал, все привыкли называть старика просто Мастером, ибо из рук его выходили поистине удивительные творения. Поговаривали, что в последнее время старик стал

каким-то странным. Ходили слухи, будто бы давным-давно он продал свою душу Дьяволу взамен на тайные знания, позволявшие ему создавать маски, равных которым не было, и вот теперь Сатана вернулся, чтобы забрать обещанное. Глупость, конечно: кто в просвещенный девятнадцатый век станет верить в существование Дьявола?

Мало кто знал, что после пожара, едва не уничтожившего весь квартал, Мастер прожил еще два часа. Вполне достаточно, чтобы рассказать правду о том, как вино медленным ядом растеклось по его жилам, парализуя все тело, как огонь, будто прирученный зверь, повинующийся своему хозяину, выбрался из камина на зов Короля крыс, как тот подкармливал слабенькое пламя бумажной крошкой и как ушел, плотно прикрыв за собой дверь. А Мастеру оставалось лишь смотреть, как медленно, но верно подбирается к нему огонь. Дрессировщик ушел, и зверь получил долгожданную свободу. Но Король крыс совершил ошибку – жар уничтожил яд, и, вместо того, чтобы умереть, Мастер заговорил.

Расскажи обо всем сыну. У графа Ягузовского не было детей, а у Мастера был. Сын. Сын отвечает за отца. Сын отомстит за отца!

– Я отомщу, – пообещал Сергей.

Он обещал отомстить – за дом, от которого остались одни головешки, за обман, за украденную душу, за мучительную смерть, за этот запах паленой человеческой плоти,

который вѣлся в его одежду, волосы, кожу. Сергей знал, что отныне, пока жив Король крыс, другие запахи для него недоступны. В конце концов, у него только и осталось, что жажда мести да странный крестик, найденный в кармане у отца. Несмотря на жар, серебро не то что не расплавилось, но даже не оплыло.

Сергей похоронил отца сам, на неосвященной земле и без отпевания в церкви. Соседи неодобрительно шептались: так ведь поступают только с самоубийцами, а старик заслуживал, чтобы его похоронили по-человечески. Сын же даже поминок не устроил, воротившись с погоста он собрал вещи и уехал незнамо куда.

Спустя месяц в столице открылся новый клуб. Новость так себе, никто даже ухом не повел, подумаешь, клуб какой-то. Да и учредители не стремились рекламировать свое заведение. Наоборот, они постарались, чтобы о клубе знало как можно меньше людей, ибо странные дела творились в черном доме, окруженном высоким забором. Таинственные дела...

Поговаривали, будто каждый из членов «Круга вечности» в этом доме был... богом. Но разве можно верить слухам?

Лия

Вся эта история началась с переезда. Переезжала я из родительской пятикомнатной квартиры, в которой в последнее время стало как-то очень уж тесно, в свою однокомнатную. Подобная рокировка, признаться, не слишком радовала, но... но жить под аккомпанемент бесконечного Славкиного брюзжания я больше не смогу.

Славка – муж моей сестры. Ну и угораздило же Лариску выйти замуж за подобного типа: наглый, расчетливый и до невозможности занудный. Славка любил себя, деньги и жену, меня же он считал существом бесполезным и бестолковым. Ссорились мы постоянно и по любому поводу, и в конце концов дошли до той стадии, на которой деверь неожиданно вспомнил, что у меня имеется собственная квартира, куда я могу убраться, если меня здесь что-то не устраивает. И вообще непонятно, почему я до сих пор этого не сделала.

Вышеупомянутая квартира была подарена дядей Захаром на мое восемнадцатилетие, помню, дядя Захар тогда еще сказал, что у каждого человека должно быть место, куда он при необходимости сможет уйти. Знаю, что ничего такого дядя Захар не имел в виду, он вообще замечательный и не делает разницы между Лариской и мной, хотя Лариса – его родная дочь, а я – приемная, но дядя Захар искренне любит нас обеих. И если бы не Ларискин супруг с его непомерным

самоуверенностью, я бы в жизни не решилась уйти из дому.

Хотя «уйти» – слишком громко сказано, в конце концов, я ведь не перебираюсь на постоянное место жительства в другой город или, паче того, другую страну. Но все равно, переезд – штука неприятная, вот и Рафинад со мной согласен. Рафинад – это мой кот. Огромная зверюга шести лет от роду и весом килограммов в восемь. У него длинная шерсть снежно-белого цвета, голубые глаза прирожденной блондинки, манеры джентльмена и врожденная глухота. Как мне объяснили, все белые голубоглазые коты страдают этим недугом. Ну и пусть, нам с Рафинадом его глухота совершенно не мешает общаться. Вот, например, в данный момент Рафинад, осмотрев свое новое жилище, высказывал собственное мнение, не слишком лестное, надо заметить. Шерсть дыбом, на лице, точнее, на морде – глубокая тоска пополам с безнадежностью, как у аристократа, проигравшего в карты все свое состояние с родовым поместьем в придачу и теперь вынужденного переехать в крестьянскую избу. «Может, передумаешь?» – умоляли голубые глаза. Не передумаю. Кот это понял и тяжело вздохнул: здесь ему не нравилось. Мне, кстати, тоже. После шикарных апартаментов, в которых я провела бо#льшую часть своей сознательной жизни, собственная квартира казалась мне крошечной каморкой, в которой обитал папа Карло до того, как Буратино раздобыл ключик из драгоценного металла. Одна комната. Коридор, где никак не развернуться. Кухня, которую и кухней-то назвать язык не

поворачивается, так, кухонька. Ванна непередаваемого оттенка слоновой кости. Унитаз с трещиной. Выцветшие обои. Продавленный диван. Колченогий стол. Правильно, а чего я хотела? Девять лет без ремонта. Девять лет, с момента покупки, я сюда не заглядывала. Зачем? Жить здесь я не собиралась, а семья, которой я сдавала помещение, предпочитала привозить деньги мне на дом, я была только «за». За...

– Придется делать ремонт, – произнесла я в никуда.

Рафинад жалобно мяукнул и попятился – огромный рыжий таракан привел моего кота в состояние, близкое к обмороку.

– И тараканов травить.

И работу искать... Ремонт поглощал денежные ресурсы с потрясающей скоростью, и с каждым днем вопрос о трудоустройстве становился все более и более актуальным. Нет, конечно, можно попросить денег у мамы или дяди Захара, но... неудобно как-то.

Работу я нашла, когда ремонт подходил к своему логическому завершению. Конечно, не совсем то, что я хотела, вернее, совершенно не то, но выбирать не приходилось. Отыскать подходящее место оказалось не так-то просто: должности уборщицы, продавщицы и дворника меня, понятное дело, не устраивали, а чтобы претендовать на место менеджера или хотя бы секретаря, требовался не только опыт работы и умение обращаться с компьютером, но и знание хотя бы одного иностранного языка. И если с опытом работы и ком-

пьютером все было более-менее в порядке, то с иностранными языками у меня, как у многих математиков, большие проблемы.

Я не сказала? По образованию я – математик, точнее, преподаватель математики и разного рода околоспециальных дисциплин, правда, в школе я проработала всего ничего – около года, потом сбежала. Дети – это еще те цветы жизни, они кого хочешь доведут. И вот теперь мне предстояло вернуться, и не в обыкновенную среднестатистическую школу, а в интернат для трудных подростков: спасибо дяде Захару, посодействовал. Уже послезавтра, в понедельник, мне предстояло переступить порог этого мрачного, хорошо известного на весь город заведения. Интернат... Больше всего мне учебное заведение напоминало тюрьму: высокий забор с колючей проволокой, металлические ворота и пункт охраны. Даже вспомнить страшно, не то, что о работе думать, но отказаться я не могла. Во-первых, деньги – зарплату мне предложили просто великолепную, раза в три больше, чем в обычной школе. Во-вторых, за меня замолвил слово дядя Захар, а он очень не любил кого-то о чем-то просить, он поручился за меня, и я не имела права его подвести. Поэтому оставалось лишь пожалеть себя, любимую, и тщательно подготовиться к дебюту.

– Вот здесь у нас столовая. Там – административный корпус. – Светлана Игнатьевна махнула рукой в сторону призе-

мистого здания с голубыми стенами. – Ну, в нем вы уже были...

Я старательно кивала. Экскурсия по территории школы-интерната была, возможно, и полезной, но ужасно утомительной. Два жилых корпуса – один для мальчиков, второй для девочек. Учебный – опять же, классы отдельные. Столовая. Администрация. Церковь – в отдельном здании, которое по внешнему виду совершенно не отличается от остальных построек. Плюс к этому – свое хозяйство с курятником, приличных размеров огородом и садом. Здесь даже кузница имелась. Пожалуй, я слишком поторопилась, сравнивая это место с тюрьмой. В какой тюрьме имеется собственный бассейн с джакузи, спортзал с новеньким тренажерами, в какой тюрьме заключенных развлекают верховыми прогулками на старом, но таком ухоженном мерине с грозной кличкой Громобой? Здесь было бы очень даже ничего, если бы не... дети. Именно они портили все впечатление. Одинаковая одежда, чистая, опрятная, но из-за этой своей одинаковости неуловимо смахивающая на униформу. Одинаковые коротко стриженные головы и пустые дикие глаза – другого слова не подберешь. Они смотрели на меня, как тигры на дрессировщика, и чувствовала я себя соответственно.

После экскурсии Светлана предложила попить чаю а заодно и познакомиться с остальным персоналом. Пока я знала лишь Игната Владимировича, директора этого милого заведения, и Светлану, которая, как я поняла, являлась его пер-

вой помощницей. Всего учителей было двенадцать, включая нас со Светланой. Альберт Эдуардович, высокий господин с изможденным лицом и обширной лысиной. Андрей Николаевич – полная противоположность своему коллеге, низенький, полноватый, подвижный, словно наполненный гелием воздушный шарик. Виктор Петрович, импозантный седой джентльмен, чем-то неуловимо похожий на моего Рафинада. Существовал еще некий Иван Иванович, но в настоящий момент он вместе с Александрой Егоровной и Анной Александровной дежурил в столовой.

Женщин было больше. Кроме отсутствующих двух дам, в учительской находились: Елизавета Петровна – молодящаяся блондинка, любительница конфет и ярко-красной губной помады. Вероника Егоровна – томная брюнетка с крупным носом и широко расставленными карими глазами. Наталья Сергеевна – пожилая дама в длинной крепдешиновой юбке и белоснежной блузке, вылитая строгая учительница из кинофильма. Последней мне представили Марию Владиславовну, очень красивую женщину в строгом деловом костюме. Под взглядом ее холодных голубых глаз я сразу почувствовала себя неуютно.

– Всего у нас сто пятьдесят шесть учеников. Девяносто пять девочек и шестьдесят один мальчик. Возраст – от девяти до четырнадцати лет. Но в основном им по одиннадцать-двенадцать. Самый критический возраст. – Светлана пила чай маленькими глоточками, чашечку держала двумя

пальцами и после каждого глотка аккуратно ставила ее на блюдец. – Поэтому не удивляйтесь, если сначала они воспримут вас в штыки. Эти дети никому не верят.

– Неудивительно, – подал голос Андрей Николаевич. Ах, извините, просто Андрей. Друг к другу преподаватели обращаются по имени, это сближает. – Многим из них пришлось пережить столько, что не каждый взрослый способен выдержать. Мы не столько хотим их научить чему-то, сколько пытаемся исцелить их души.

– Жаль, – заметила Мария, – что они этого не понимают. Все замолчали. Странная компания – я чувствовала их напряжение, тщательно маскируемое улыбками и внешним дружелюбием. Скорее всего, обычные школьные страсти: кто-то на кого-то пожаловался начальству, кто-то кому-то дорогу перебежал, премию украл или еще что-то в этом же роде. Плюс, вероятно, сердечные переживания. Любовь-морковь и другие овощи. Я решила вернуться к беседе.

– То есть, вы их не учите? – Я подписывала контракт как учитель математики, а не как целитель душ.

– Учим, учим, – успокоил меня Альберт, – просто не совсем так, как это принято в обычной школе. Наши дети требуют иного подхода.

– Во-первых, – на правах главной слово взяла Светлана. – У нас очень маленькие классы – пятнадцать человек максимум, в вашем будет всего девять. Мальчики и девочки учатся отдельно. Мы вообще стараемся, чтобы они поменьше

контактировали между собой: уличные дети взрослеют рано, а эксцессы нам ни к чему. Во-вторых, группы формируются не по возрасту, как это принято в нормальной школе, а по уровню развития. Возможно, сначала вам покажется странным, что в одной группе могут оказаться и девяти-, и двенадцатилетние дети, но, смею вас заверить, группы составляет опытный психолог, который подходит к делу со всей ответственностью.

Переведя дух, Светлана продолжила свои объяснения:

– В-третьих, мы стараемся придерживаться принципа: один учитель – одна группа. Вы будете заниматься с ними не только математикой, но всеми остальными предметами. Это не так сложно, как кажется на первый взгляд. Требования минимальные. Важно, чтобы к концу обучения они умели нормально считать, читать и писать, желательно, с минимумом ошибок, но это уж как получится. Мы не настаиваем, чтобы они умели решать дифференциальные уравнения, тригонометрические задачи или знали в подробностях, что происходило в России в конце шестнадцатого века. Важно, чтобы они могли жить в обществе, среди других людей.

– Эти заборы, зачем они?

– Чтобы волчата не разбежались, – ответила Мария.

– К сожалению, Мария права. Большая часть наших подопечных – это дети улицы, со всеми присущими им пороками. Они все курят, многие пьют, некоторые пробовали наркотики. Девочки через одну не брезговали заниматься про-

ституцией. Не пугайтесь: прежде чем попасть в жилой корпус, каждый ребенок проходит тщательное медицинское обследование.

– У вас есть медицинский корпус?

Светлана мне не о чем не сказала.

– Конечно. Я, наверное, забыла вам его показать. Ну, как-нибудь в другой раз, там нет ничего интересного. Кстати, – она бросила взгляд на часы, – обед почти закончился, сейчас все разойдутся по классам. Самое время познакомиться с вашими подопечными. Поверьте, это очень милые девочки, они были так привязаны к Евгению.

– А что с ней произошло?

– Тяжелая история. Мы не любим о ней вспоминать.

Все ясно. Тема закрыта.

Мои девочки, все девять, ожидали меня в классе. Здесь у каждой группы был свой собственный класс. Оля. Яна. Василиса. Алла. Татьяна. Елена. Маша старшая и Маша младшая. Галина. У каждой на лацкане пиджачка прицеплен аккуратный бейджик с именем. Удобно, особенно для нового человека, такого, как я.

– Добрый день! – поприветствовала девочек Светлана.

– Добрый день, Светлана Игнатьевна, – хором отозвались они, вставая. Воспитательница махнула рукой, и девочки сели. Господи, до чего же они похожи: ровные спинки, ручки сложены на коленях, глазки потуплены.

– Я хочу вам представить вашу новую учительницу, зна-

комьтесь – Лия Захаровна.

– Добрый день, Лия Захаровна. – Послушные дети. Дети просто не могут быть такими послушными, особенно если это – трудные подростки.

– Добрый день. – Я улыбнулась, стараясь показать, что я вовсе не страшная, а очень даже милая.

– Ну, я вас покидаю, – обращаясь ко мне, произнесла Светлана. – Сейчас у вас по плану – урок свободного творчества. Рисование, лепка, вязание крючком. До половины пятого. В конце урока каждая из девочек должна представить что-нибудь, сделанное своими руками. Ну и рассказать, что это, для чего оно нужно, и так далее. Если захотите, выставите оценки, лучшие работы отбираются для специального музея. Каждый месяц – выставка, победитель получает приз. Все понятно?

Куда уж понятнее. Ну вот, впервые я осталась наедине со своими тиграми. И с чего начать? Девять пар глаз внимательно следят за каждым моим движением.

– Добрый день, дети, – когда не знаешь, с чего начать, поздоровайся.

– Добрый день, Лия Захаровна, – хором повторили они приветствие.

– Можно просто Лия.

– Лия Захаровна, – поправила меня худенькая девочка с ярко выраженной восточной внешностью. Маша, если верить тому, что написано на ее бейджике. Про себя я обо-

значила ее как Маша-старшая, она действительно выглядела старше всех в этом классе.

– А если я хочу, чтобы вы называли меня просто Лия? – Я не собиралась отступать. Здесь я главная.

– Нам запрещено называть учителей просто по именам, – спокойно отозвалась девочка. – Вы, наверное, еще не в курсе.

– Не в курсе, – призналась я. Главный принцип: прежде чем на что-то претендовать, нужно сначала освоиться с местными порядками. – Ладно, Лия Захаровна, так Лия Захаровна. Чем вы обычно занимаетесь?

– Я – вяжу, – ответила Маша-старшая. – Оля с Яной вышивают. Лена, Василиска и Танька – мягкие игрушки мастерят. Младшие рисуют.

– Вот и хорошо. Занимайтесь. – Никто не шелохнулся. Похоже, я снова сделала что-то не то? – Ну, что не так?

– Вы должны шкаф открыть, – подсказала Маша-старшая. Точно, Светлана что-то такое говорила, и ключи у меня были. Целая связка ключей.

– Который? – Шкафов здесь было три: голубой, зеленый и ярко-розовый.

– Зеленый, в голубом – учебники и тетради, в розовом – телевизор, видеомагнитофон и проектор. Для уроков.

– Спасибо.

– Пожалуйста, Лия Захаровна, – девочка даже улыбнулась. Робко, словно бы раздумывая, можно ли мне верить или пока не стоит. Следующие два часа прошли в тишине и

благодати, дети занимались привычными делами, а я наблюдала. Мое присутствие здесь вообще требовалось постольку-поскольку.

Вот черноглазая Мария: старательно шевелит спицами, считая про себя петли и ряды, полненькая Оля пытается понять, почему она начала вышивать небо на картинке красной, а не голубой ниткой, Галина, прикусив от волнения нижнюю губу, рисует. Она прополаскивает кисточку в стакане с водой, смывая ненужный цвет, а потом облизывает ее. Следовало бы прекратить это безобразие, но... Девочка так увлеклась, что мешать ей казалось кощунственным. Когда до половины пятого осталось двадцать минут, я скомандовала – конец работам. Девочки быстро сложили вещи обратно в шкаф. Потом каждая продемонстрировала мне свои достижения: половина носка, почти законченная вышивка с церковью и красным небом, очень симпатичный медвежонок. Я так и сказала. Василиса робко пробормотала что-то вроде: «Спасибо», видно было, что моя похвала ей приятна. И в завершение – детские рисунки. Ничего необычного: солнышко, травка, кривоногая лошадь и кособокий дом.

Этот рисунок был последним. Ничего яркого, светлого и радостного, ничего такого, чему полагается быть на всех детских рисунках. Бурое. Красное. Черное. Бурые деревья, красные кресты, в центре – черная фигура. Это явно человек: две руки, на каждой – пять скрюченных пальцев, похожих на звериные когти, две ноги, каждая упирается в пере-

вернутый крест ядовитого красного цвета. И лицо. Или морда. Скорее, морда: вытянутая, усатая морда с длинными не то зубами, не то клыками. На голове у существа – желтая корона.

– Что это? – Я обвела притихший класс взглядом. Дети не должны рисовать картинки, на которые и взрослым-то людям смотреть страшно.

– Король Крыс, – тихо пискнула Галя, а я облегченно вздохнула. Все понятно: Король Крыс, Щелкунчик, Мышьида. Рождественская сказка доброго дядюшки Гофмана. Просто девочка оказалась чересчур впечатлительной для таких историй.

– У Короля Крыс, – я присела рядом с Галиной и взяла ее за руку, – было семь голов, и на каждой – по короне. Но Король Крыс – это всего лишь выдумка, сказка. На самом деле его не существует. И вообще, его зовут иначе – Мышиный король...

– Нет, – замотала она головой, вырывая руку. – Существует! Я видела! Я знаю! Король крыс забрал Евгению Аркадьевну! Король крыс... – договорить ей не удалось.

– Замолчи! – Маша-старшая отвесила младшей подзатыльник. – Замолчи немедленно! Ты сама не знаешь, что говоришь! Сейчас тебя накажут! Посадят в темный подвал, и будешь там сидеть всю ночь! Вместе с крысами!

Малышка заревела во весь голос.

– Тихо! Девочки, успокойтесь немедленно! – Не хватало

еще мне в первый же свой рабочий день стать причиной драки между подопечными. – Галя, никто тебя наказывать не собирается! А тебе, Мария, – чтобы как-то различать девочек, я решила называть младшую Машенькой, а старшую Марией, – должно быть стыдно так пугать младших.

– Пусть лучше она меня боится, чем... – начала Мария и осеклась. – Вы расскажете, и ее накажут, – пояснила девочка. – У нас запрещено говорить о Короле крыс.

– Я никому ничего не расскажу и рисунок с собой заберу, чтобы никто не увидел. – Решение пришло мгновенно. Я просто почувствовала, как они боятся, – не столько наказания, все-таки здесь школа, а не тюрьма, сколько этого мифического Короля крыс.

– Вы не с ними? – тихо сказала Мария.

– С кем?

– Не важно. Запомните: здесь ничему нельзя верить. – Эта маленькая взрослая женщина говорила абсолютно серьезно. Или нет? Может, это у них такая шутка? Специально, чтобы пугать новых учителей? Ничего не понимаю!

Так, в полном непонимании, прошел весь день, и следующий, и еще один. Я начала привыкать к своей работе, ничего сложного в ней не было. Мои девочки, конечно, существа замкнутые, нелюдимые, но слушались они меня беспрекословно, даже голос повышать не приходилось. Что касается преподавания – здесь имелись свои сложности, что ни говори, а математика и русский язык – вещи весьма личные, но я

старалась. И, похоже, получалось у меня неплохо, во всяком случае, Светлана не упускала возможности похвалить меня. Приятно, черт возьми!

Рабочий день начинался в восемь часов утра: требовалось отвести детей на завтрак, потом – в класс. С девяти до половины второго – уроки, после уроков обед и снова занятия, уже до ужина. После ужина я могла отправляться домой. Класс, вернее, все женские классы переходили к Анне Александровне. Это была довольно милая женщина, тихая и болезненно ответственная, чем все и пользовались. Теоретически, по вечерам с Анной Александровной и Иваном Ивановичем, следившим за мальчиками, должны были оставаться еще двое учителей – мужчина и женщина, существовал даже специальный график дежурств, но... Кому, скажите, охота торчать за забором, если Анна Александровна и сама великолепно справляется?

Меня, кстати, в график дежурств пока не включали, жалели как новенькую, а, возможно, не доверяли. Ну и пусть, мне от этого только легче.

Только одно не давало мне покоя. Странный детский рисунок с бурными деревьями, красными перевернутыми крестами и зловещей фигурой Крысиного Короля. Как и обещала, я ни словом не обмолвилась об этом, а картинку унесла домой. Тогда я еще не знала, что с территории интерната категорически запрещалось что-либо выносить.

В школе вообще было много запретов. Нельзя было ку-

рять, употреблять спиртные напитки и ругаться матом, это касалось не только учеников, но и учителей. Светлана пояснила, что мы – живой пример для наших подопечных, если мы будем делать то, что им нельзя, могут возникнуть всякие нехорошие вопросы. Ну, это еще можно понять. Но! Кроме сигарет, наркотиков и спиртных напитков, на Территорию – здесь все так и говорили: «Территория», приглушенно, с придыханием, так, чтобы сразу было понятно, какая именно территория имеется в виду, – запрещалось приносить: косметику, печатные издания вообще, кроме книг, находящихся в специальном директорском списке, видео– и аудиокассеты. Аппаратуру, впрочем, тоже. Кстати, даже мобильный телефон при входе приходилось сдавать охраннику, а в конце рабочего дня забирать. Форменная паранойя! Плюс к общему списку – с детьми запрещалось обсуждать любые посторонние темы, выводить их в город, передавать от них или им какие-нибудь записки, письма, фотографии и так далее.

Чем дольше я здесь работала – а месяц уже подходил к концу, – тем большее количество запретов прибавлялось к и без того немалому списку. На все мои вопросы, что да почему, Светлана лишь снисходительно улыбалась и в очередной раз объясняла, какие сложные здесь дети, и все эти «нельзя» существуют лишь для того, чтобы спасти их души. И я привыкла, даже это странное ощущение постоянной слезки, от которого я не могла отделаться с того самого момента, как попала в школу, постепенно прошло.

Дед Мороз

Старший следователь Алиевской городской прокуратуры Максим Ильич Морозов, более известный как дед Мороз, который день подряд пребывал в на редкость унылом настроении. И причиной тому было не очередное повышение цен, с которыми его скромная зарплата конкурировала с трудом, и не новая автомобильная стоянка, расположившаяся как раз под его окнами на месте старого уютного сквера. Хотя стоянка тоже портила настроение: теперь вместо давно знакомых привычных кленов с влажной корой и ярко-желтой по осени листвой там высились металлические фонари-столбы, а вместо клумбы с бело-розовыми пушистыми маргаритками, которые каждый год высаживала его жена-покойница вместе с домуправом Любкой Почечуевой, раскинулось гладкое асфальтовое поле для нескольких десятков стальных коней. Обидно, но что тут поделаешь! Максим Ильич давно уже смирился с мыслью, что жизнь переменилась, переменилась настолько, что в ней почти не осталось возможности для неспешного уютного существования вместе с кленами, маргаритками, деревянной беседкой, сколоченной совместно мужской половиной жильцов дома. Зато в этой, совершенно новой, незнакомой жизни замечательно себя чувствовали прогретый солнцем вонючий асфальт, железные столбы и иномарки с гладкими мордами. И преступникам новое

время тоже пришлось вполне по вкусу.

Нет, Максим Ильич не был завзятым коммунистом или просто человеком, глубоко обиженным на нынешний строй, он не посещал митинги, не читал нотации о том, как хорошо жилось раньше – и колбаса, мол, была вкуснее, и солнце-то грело по-другому, и бандиты были вежливее... Нет, не были. И в то давнее время хватало отморозков, взяточников, блата, «крышевания» и много чего другого, просто все это делалось не так открыто, не так нагло.

Тут Максим Ильич, наконец, дошел до истинной причины, мешающей ему жить. Хотя, что ее искать – вон она, причина, лежит себе в серой картонной папочке на завязках, глаза мозолит.

И все вроде бы ясно: молодая женщина направлялась куда-то поздно вечером, по своим женским делам, решила срезать путь и пошла через пустырь. Новостройка – котлован вырыли, фундамент заложили, возвели коробку девятиэтажки, на этом строительство и остановилось: то ли фирма обанкротилась, то ли иные какие проблемы возникли, непонятно. Дом-недоделок мозолил всем глаза уже не первый год. Пользы никакой, один вред, пустырь вокруг постепенно превращался в свалку, пустую коробку облюбовали местные маргиналы, попросту – бомжи, хотя «маргиналы» звучит интереснее, а где заводиться это отребье, там постоянные проблемы.

Вот и девушка до места не дошла. Ее труп обнаружила од-

на собачница, облюбовавшая пустырь в качестве места выгула своего питомца. Вернее, тело обнаружил именно питомец, здоровенная тварь с короткой шерстью голубовато-серого цвета, складчатой тупой мордой и огромными зубами. А еще у твари были красные глаза запойного алкоголика и смешной обрубок вместо хвоста. Зверя звали Амаяк и, по словам хозяйки, худенькой нервной женщины, на фоне собственного пса выглядевшей крайне несолидно, Амаяк был весьма сообразительным существом.

Именно он – после соответствующей команды, естественно – ленивой трусцой пробежавшись вокруг тела, рванул к недостроенному дому.

Именно он, словно карающий ангел или, скорее, демон, ибо на ангела серо-голубая тварь размером с теленка ну никак не тянула, прижал к такой же серо-голубой, под цвет своей короткой шерсти, стене испуганного, грязного и вусмерть пьяного бомжа и не отпускал его, скаля десятисантиметровые клыки, пока хозяйка, разозленная тем, что пес не реагирует на ее команды, не хлестнула его поводком. Только тогда грозный рык как-то плавно перекатился в грозный зевок, и Амаяк, развернувшись, лениво побрел за нервной дамочкой.

При обыске у бомжа изъяли почти новую симпатичную женскую сумочку, а в ней – документы на имя Сухомилиной Евгении Аркадьевны. Там же, в доме, среди старых газет, тряпок, картонных коробок и пустых бутылок обнаружили и орудие убийства – окровавленный нож со смазанными отпе-

чатками пальцев. Смазанные-то они смазанные, но в лаборатории утверждали, что пальчики якобы принадлежат именно бомжу, неудачливому последнему обладателю сумочки из черной кожи. Все ясно, дело раскрыто в кратчайшие сроки, по горячим следам.

Ясно, да не совсем. Вроде все сходится, а на душе неспокойно. Или, может, это просто старческая недоверчивость? Или все дело в том, что убитая до боли в сердце похожа на его Зарочку в молодости? Такая же чернявая и смуглая, наверное, тоже была она живой, горячей, готовой в любой момент рассмеяться над шуткой, песней, словом, и смех ее тоже, наверное, был живым и звонким, как у его Зары. Одно отличие все же было. Жена Максима Ильича умерла десять лет тому назад от рака. А эта молоденькая девочка была убита, предположительно – убогим полусумасшедшим существом из-за сумочки да пары десятков, обнаружившихся в кошельке.

Как она вообще оказалась на этом пустыре, если незримая черта городской границы пролегает как раз перед ним? По эту сторону черты – освещенные дворы и жилые дома, шумные, с горящими окнами и запахами мяса, рыбы и лука. Там, во дворах, собираются пацаны с гитарами и пивом и разукрашенные девчонки с сигаретами в зубах. Там была жизнь, а за пустырем что? Недостроенный слепой дом? Или темная полоска худосочного леса за его бетонными плечами? Куда она шла? Или откуда?

Да и само тело. Чтобы так убить, нужны время и изрядная злоба. Одно дело – отобрать у бабы сумочку, а если не отдаст, быстро сунуть ей под ребро заточку, и совсем другое – истыкать человека ножом буквально с ног до головы, чтобы на теле живого места не осталось. Вот и нож всплыл: хороший, кухонный, совсем новый, импортный, дорогой. Откуда он у маргинала? Максим Ильич не знал, задержанный бомж тоже. Он вообще ничего не знал, беспомощное отупевшее существо, давно потерявшее человеческий облик. Он даже имени своего припомнить не мог, называл себя то Василием, то Сергеем, то Иваном. На Иване они и остановились. Бомж кривил щербатый рот, размазывал по морщинистому лицу слезы и нес чушь несусветную. Он никого не убивал, ну, это еще ладно, кто ж так просто в убийстве сознается! Иван утверждал, что дамочку он вообще не видел, ни живую, ни мертвую, а сумочку эту и бутылку водки ему принес сам Крысиный король. Видали любителя сказок?! Якобы король этот хотел наградить Ивана за верную службу! Какие именно услуги оказывал испитой полувменяемый маргинал их величеству, Иван сообщать отказывался, только потрясал худеньким грязным кулачком и лепетел, что он им еще покажет! Кого он имел в виду – непонятно. Бомжа определили в камеру и начали готовить документы в суд. Только ничего не получилось: Иван предпочел осудить себя сам и повесился на сплетенной из каких-то лохмотьев веревке. Дело закрыли, давно пора было его в архив сдать, но рука не поднималась.

Точнее, совесть не замолкала.

Зачем она шла? Куда? Возможно, она пришла туда не одна, а с кем-то, и этот кто-то ее и убил, а потом решил повесить дело на полоумного старика. Вполне возможно, следов-то там хватало. Хозяйка серого пса объяснила, что пустырь используют все окрестные собачники, удобное место, животные и побегать могут, и пообщаться, и свои собачьи дела сделать. Мальчишки тоже сюда забредают со своим футболом-волейболом. Бомжи, опять же, куда ж без них? И умница Амаяк привел ее к бомжу. Или милиционеры неправильно его поняли? А что, если пес шел по следу какого-то другого человека, который пришел на пустырь вместе с Евгенией?

Все правильно: человек шел к дому, где и оставил сумочку как улику. От сумочки пахло убийцей, вот пес и среагировал на аксессуар, а не на бомжа. Все складывается. Только как это доказать? При всем своем уме, Амаяк не способен дать показания. Подарив животине здоровенные зубы, природа не наделила его способностью говорить.

Зато его, Максима Ильича, природа не обделила способностью думать, однако то, что он надумал, совершенно его не радовало. Казалось бы, к чему мучиться: всего полгода и осталось, а там – пенсия. Сиди себе во дворе летом, раскладывай черные кости домино и делись с такими же одинокими партнерами своими воспоминаниями. И с каждым разом твои рассказы будут обрывать подробностями, словно сте-

на— дикою виноградной лозой, за которой и уход-то не нужен, сама растет, норовя затянуть влажной листвой глянцевые оконные стекла. И двор, изуродованный автомобильной стоянкой, и виноград, и домино были уже настолько отвратительно близки, что Максим Ильич затряс головой, норовя прогнать наваждение. Рано ему еще на пенсию, рано! Сначала он должен отыскать того подонка, который учинил подобное непотребство. И плевать, что его начальство не поймет, решит, будто старик совсем уже сбрендил. Теперь у него есть дело. А значит, нудное домино или не менее нудные карты откладываются на неопределенное время. Пока Максим Ильич не отыщет этого Крысиного короля.

Ох, чуяло старое сердце: не просто так трепался сумасшедший бомж. И недаром нацарапал он на стене камеры странный знак — корона с тремя кривыми зубцами, заключенная в круг, словно нарисованная детской рукой.

Локи

Неделю назад ОНИ сняли наблюдение.

Похоже, можно действовать. Два месяца, два долгих месяца он ждал этого момента. У него был только адрес: ничем не примечательная квартира в обычном сером пятиэтажном доме на такой же серой улице. Улица носила романтическое название – Бульвар Ленинского Комсомола. Сокращенно – БЛК. До бульвара ей было так же далеко, как воробью до орла, Ленин давно умер, и в комсомол нынче вступают лишь махровые патриоты, а название осталось. Прижилось.

Впрочем, сейчас следовало думать не о названиях, а о деле.

*Dolus an virtus quis in hoste requirat?*¹ Прав был старик Вергилий, враг – это враг, все средства хороши, когда выходишь на охоту. Они ведь не цацкаются со своими жертвами, они – другие. И Локи должен стать таким, если хочет выжить. Да же не победить – эту гидру победить невозможно – просто выжить и, если получится, срубить еще пару голов. Конечно, у сказочного чудовища тут же отрастут другие, но... Нельзя сидеть, ничего не предпринимая.

Локи и так извелся за эти два месяца. Она успела дать этот адрес и умерла – еще одна жертва на ИХ счету, а в квартире

¹ Кто станет разбирать между хитростью и доблестью, имея дело с врагом? (лат.) – Вергилий. Энеида, II, 390.

поселилась ЭТА. Просто взяла и приехала с кучей разнокалиберных коробок и толстенным белым котом. Сначала Локи подумал: все, ниточка оборвалась, эта белобрысая дамочка не могла иметь ничего общего с НИМИ, уж очень она была... светлой, что ли. Скорее всего, те, за кем он охотился, перестраховались, продали квартиру, и дело с концом. Но он продолжал наблюдать, чисто из принципа, и еще потому, что другого пути не было. Он почти уже решил завязать со слежкой, когда... Это было невероятно! Девушка попала ТУДА, за серый двухметровый забор, украшенный ровными кольцами колючей проволоки. Ее пропустили за металлические ворота ядовито-зеленого цвета, куда он, Локи, тщетно пытался проникнуть уже не один день. Значит, либо девушка была с НИМИ, либо... Очередная жертва, как Женя.

Если она жертва... в пользу этой версии говорила слежка, Локи из шкуры вон лез, чтобы его не засекли, и, поскольку наблюдатели убрались восвояси, его усилия не пропали втуне. В общем, если она жертва, тогда у него в запасе еще около месяца. Женя говорила, что ОНИ приручают новеньких постепенно. Сначала человек привыкает к дому, к Территории – Евгения называла то, что находится за забором, Территорией. Дальше срабатывала универсальная схема, с которой Локи уже приходилось сталкиваться – новенький внезапно оказывается в СИТУАЦИИ, очень неприятной ситуации, и принимает РЕШЕНИЕ. Самостоятельно, во всяком случае, человеку кажется, что он принял решение абсолютно само-

стоятельно. На самом же деле ОНИ тщательно следят, чтобы решение было верным. После этого его шансы выбраться равны нулю. Дружеская рука, помощь, не принять которую невозможно, а следом – напоминание, что за помощь надо платить. ОНИ не потребуют ничего нереального: для начала – какая-нибудь мелочь. Например, отвернуться в нужный момент, или закрыть глаза, или забыть, это будет что-то простое и очень формальное, главное ведь сделать первый шаг, а там и второй, и третий... Дрессировка построена на классическом принципе кнута и пряника. Пряник большой и сладкий: деньги, власть, причастность к чему-то важному, особенному. И потом, для тех, кто не распробовал вкус пряника, всегда имеется кнут: смерть, своя или чужая, чужая даже страшнее своей. *Etiam innocentes cogit mentiri dolor.*²

Женя попалась так же: она хотела вырваться и вышла на Локи. Один-единственный разговор по телефону, четыре минуты и двадцать семь секунд. Она рассказала о Территории, о «доме, который построил страх», и назвала ему этот адрес: Бульвар Ленинского Комсомола, дом номер пять, двадцать третья квартира. По ее словам, здесь находилась одна из точек. Теперь в двадцать третьей квартире живет белобрысая длинноногая девица со своими коробками и толстым белоснежным котом. Интересно, как его зовут? Наверное, Пушком или Снежком, а может, Эммануэлем или Себастьяном, как героя какой-нибудь мыльной оперы.

² Боль заставляет лгать даже невинных (лат.). – Публиций. «Сентенции».

Вон и девица: идет по двору, осанка прямая, походка, как у модели на подиуме, даже строгий темно-синий костюм аля большая начальница не портит общего впечатления женственности. Локи давно хотелось познакомиться с ней поближе, он и так ждал слишком долго.

А Женя умерла. Они договорились о встрече, Евгения собиралась передать ему некие документы – и не пришла. Локи прождал три часа, все надеялся, а она уже к тому моменту умерла. Он не знал ее в лицо, но, когда вечером в местных новостях показали изуродованное тело женщины, Локи ни на минуту не усомнился, что это именно она. Жертву звали Сухомилиной Евгенией Аркадьевной.

Локи не получил денег, но все равно... То, о чем рассказала ему Женя, было слишком серьезно, чтобы просто об этом забыть. «Дом, который построил страх». Это намного серьезнее всего, с чем ему когда-либо приходилось сталкиваться, Локи возьмется за это дело даже без обычного гонорара. Только чтобы снова почувствовать себя человеком.

Богам тоже иногда хочется стать людьми.

В окне на третьем этаже погас свет. Следует выждать еще немного, пусть она заснет.

Лия

День как день, ничем не примечательный. По русскому языку мы проходили тему «наречие». Честно говоря, проходили с трудом. Попробуйте доступно объяснить подростку, что такое наречие и зачем оно вообще нужно в русском языке, если вы сами не понимаете этого! Но девочки честно старались учиться, я честно старалась учить, а рабочий день честно подошел к концу.

Все-таки в самостоятельной одинокой жизни имеются определенные недостатки. Например, скука: пришла с работы, поужинала, покормила Рафинада, подготовилась к завтрашним урокам... И все. Спать. А чем еще заниматься? Например, сегодня мне не хотелось ни читать, ни смотреть телевизор, а вязать и вышивать я не умею. С семьей еще не помирилась, хотя Лариска осторожно намекала, что, если я извинюсь, Славик простит меня и примет блудную родственницу с распростертыми объятиями. Я решила прощения не просить и обратно не возвращаться.

И вообще, здоровый сон – залог красоты.

Локи

Вот и все: часы пробили полночь, и карета превратилась в тыкву, рысаки – в толстых крыс с длинными облезлыми хвостами, и люди увидели, что Золушка всех обманывала. Локи усмехнулся – жаль, что никто никогда не рассматривает детские сказки с позиции лжи, тогда многие герои поменялись бы местами. Впрочем, сейчас эта проблема занимала его мысли лишь в очень малой степени: пришло время действовать, а он никак не мог решиться. Тысячу раз он перебирал в голове этот план, любовно прорисовывая каждую деталь, каждое слово, каждое свое движение. Тысячу раз он бывал в этой квартире, пусть и мысленно, а теперь он попросту не мог пошевелиться. Выбор! Снова выбор. Если он пойдет туда – все, обратный путь закрыт, либо идешь до конца, либо... Пуля в затылок, и game over – игра закончена, вы не осилили уровень. Если остаться здесь, тогда... Жить или не жить, вот в чем вопрос. Все указывало на то, что на этот раз добыча оказалась не по зубам. Но... Жить. А как забыть то, что рассказала ему та учительница? Она говорила правду, Локи не сомневался. Значит, надо идти.

In silvam non ligna feras insanius³

Во всех окнах погас свет. Странное время, тихое время.

³ Меньшим безумием было бы носить в лес дрова» (лат.). – Гораций. «Сатиры».

В подъезде свет горел: на первом этаже и где-то – наверху, на четвертом или даже на пятом. Два тонких серпа из лучей света, а между ними – толстая мягкая прослойка сумрака. Пятый. Лампочка горела на пятом этаже, а на третьем было так темно, что хоть глаз выколи. Нужная ему квартира находилась в центре. Справа – номер двадцать четыре, с тяжелой кожаной дверью и солидными коваными цифирями. Другие к такой двери не подошли бы. Локи нравилось это слово – «цифирь», оно отдавало чем-то таким... Особенным. Цифра безлика, а цифирь имеет свой собственный поганый характер, так вот, цифири эти были желто-красными: не то медь, не то золото, под цвет крошечных гвоздиков, прочно прикрепивших вишневую шкуру обивки к деревянному основанию. Слева – квартира номер двадцать два. Никакой кожи, никаких гвоздиков: полированное дерево, поблескивающее мутным лаком, и хромированная табличка с аккуратно вычерченными цифрами. Здесь были именно они, цифры, холодные, правильные, безликие.

В центре – номер двадцать третий. Самая обыкновенная дверь из ДСП, такие ставят при строительстве дома во все квартиры, но потом, после заселения, жильцы их меняют на солидные кожаные или надменные деревянные. А здесь она осталась, единственное, что сделали хозяева квартиры – выкрасили дверь темно-зеленой краской. Со временем краска потрескалась и местами облупилась. Локи хорошо помнил каждую трещинку на ней, каждое пятнышко и нацарапан-

ное неприличное слово из трех букв. Он был здесь дважды: в первый раз – после звонка Евгении, во второй – после ее смерти. Тогда с этой простой, когда-то буро-зеленой, словно мокрый болотный мох, двери на него смотрел подлинный, «родной» английский замок, надежный, как сама монархическая система правления Великобритании. С тем замком Локи бы не справился. Оставалось лишь смотреть, наблюдать и выжидать... Дождался.

Вчера он поднялся сюда в третий раз. Ничто не изменилось: тот же цвет, та же краска, то же слово из трех букв. Только молчаливый английский пес исчез, его сменили на обыкновенную русскую дворнягу, которую за считанные копейки можно купить в любом хозяйственном магазине. Не лает, не кусает, а в дом не пускает. Локи улыбнулся. Пускает, еще как пускает, нужно лишь попросить правильно! Замок щелкнул, соглашаясь. Путь был свободен.

Локи осторожно прикрыл за собой дверь. Вот так, теперь он на месте. Комната здесь одна. В комнате – кровать. В кровати спит она. Нужно сделать так, чтобы она не закричала. Предстоял долгий разговор, и Локи требовалось, чтобы она выслушала его до конца. Именно поэтому он захватил моток широкого скотча. Слушать можно и с закрытым ртом, а ему все спокойнее будет.

Лия

Я проснулась оттого, что закончился воздух. Я тонула в вязком горячем болоте. Ступила на мягкую травку, такую зеленую, чистую, и внезапно провалилась вниз. Теплая тина мягкой лапой забила рот, я пыталась вдохнуть – и не могла. Я пыталась пошевелиться – и тоже не могла. Я пыталась сделать хоть что-нибудь, чтобы прорваться наверх, но – не могла! Тина была повсюду... А потом, когда я опустилась на самое дно болота, на мою грудь уселся демон. У демона была шершавая, болезненно-горячая шкура и разноцветные глаза, один карий, другой зеленый. И я проснулась. Проснулась только затем, чтобы понять – кошмар продолжается наяву.

Демон был здесь, в моей комнате. Или это просто продолжение ночного кошмара? Тогда почему я не могу вдохнуть? Не потому ли, что пятипалая лапа чудовища зажимает мне рот? А костлявое колено упирается в грудь? Я дернулась, но демон покачал головой и прошептал: «Тихо!». А потом стало совсем темно.

Я пришла в себя от резкого неприятного запаха: нашатырный спирт. Отвратительно! Даже слов не найти, чтобы описать, насколько мерзко. В моей родной, уже привычной, свежееотремонтированной квартире не должно пахнуть нашатырным спиртом. У меня ведь даже аптечки нету! Я где-то читала, что наши сны обязаны нам подчиняться, и му-

жественно предприняла попытку загнать неприятный запах вглубь сознания, где ему самое место. Запах исчезать не желал и, по-моему, стал сильнее. И сидеть было неудобно. Сидеть? Постойте минутку, но ведь спят, кажется, лежат? А я сижу, стопроцентно сижу. Во всяком случае, так утверждал мой мозг, а у меня пока не было оснований ему не доверять. Значит, сижу. И каким-то непонятным образом. Не могу пошевелиться.

– Открой глаза, – попросил кто-то над самым ухом. Я послушалась, и все встало на свои места. Я действительно сидела на стуле, а пошевелиться не могла потому, что руки мои и ноги были заботливо примотаны к нему скотчем. Черт-те что! В комнате горел ночник. Мой замечательный ночник в виде старинного уличного фонаря, который я приобрела два года тому назад на какой-то ярмарке, и, уезжая из старой квартиры, захватила с собой. Сейчас под моим любимым кованым светильником стоял демон. Хотя – какой, на фиг, демон, это у меня еще не все ночные кошмары из головы выветрились. Обычный человек.

– Очнулась? – Он то ли спросил, то ли просто констатировал факт. Я попыталась было открыть рот, чтобы... Наверное, чтобы заорать. Я все-таки нормальная среднестатистическая женщина и к странным визитерам посреди ночи не привыкла. Но фигурки: рот мой был надежно заклеен. Спорю, в ход пошел тот же серебристый скотч, благодаря которому мои запястья так прочно срослись со спинкой стула.

– Это хорошо. – Человеко-демон уселся на мою кровать.

Оказывается, он имеет привычку разговаривать сам с собой. «Наверное, ему в болоте было очень скучно», – мелькнула бредовая мысль. Интересно, что он собирается со мной сделать? В голову пришло лишь два варианта: убить или изнасиловать. Ну, еще, возможно, ограбить. Хотя... Одно другому не мешает. Можно сначала изнасиловать, потом убить, а потом и ограбить. Или убить, а потом – изнасиловать. Это уж как кому больше нравится. Лично меня ни один из вариантов не устраивал. Маньяк, как ни в чем не бывало, продолжал меня рассматривать, а я – его. Шок, наверное, сказался или временное помутнение рассудка, но я не боялась. Ни капельки. Действительно, чего пугаться, поздно уже. Шатен, лет тридцати—тридцати пяти, неухоженный какой-то, худой, словно отощавший бродячий пес, и лицо у него, как у человека, который живет на пределе. Еще чуть-чуть, и все.

– Меня зовут Локи, – представился маньяк.

Очень приятно, если бы он скотч отлепил, я бы так и сказала.

– Мне нужно с тобой поговорить. Это очень важно.

Кто бы сомневался, с неважным делом в чужую квартиру не проникают. Но меня слегка смутил тот факт, что его «важно» каким-то боком касалось меня. Мы даже не знакомы – это лицо я бы обязательно запомнила. И глаза у него были странные. В полумраке я не могла разобрать их цвет, но сразу заметила, что один глаз был светлее, другой темнее.

– Сначала ты выслушаешь, потом я тебя развяжу. И мы поговорим уже нормально. Хорошо?

Я кивнула. Конечно, хорошо, как будто у меня выбор есть! Ладно, ни насиловать, ни убивать меня пока не собираются, значит, можно и послушать. Хотя, кто их, маньяков, знает, возможно, он таким образом мою бдительность усыпляет.

– Ты ведь работаешь там, в пансионате? В доме, который построил страх?

Локи любил задавать вопросы, но не любил дожидаться ответов. Действительно, зачем ему ответы, если он и так все знает. А он действительно знал много и охотно делился этим своим знанием со мной. Зачем? Господи, ну почему он тут появился? Я бы просто спала и ничего не знала. Я не хотела знать то, о чем он мне рассказал...

Хотя нет, вру, он молчал. Локи просто включил диктофон. Маленькая черная машинка и запись пятиминутного разговора перевернули всю мою жизнь.

– Вы тот, кого называют Ловцом душ? – Женский незнакомый голос. Нервный, истеричный, совершенно незнакомый голос.

– Да. – Это Локи, я сразу узнала его. В отличие от женщины, он спокоен и равнодушен.

– Меня зовут Женя. Евгения. У меня нет денег. Мне сказали, что вы не работаете без денег, но... У меня есть информация о том, за кем вы охотитесь. Король крыс, это он стоит за всем... – продолжала женщина. – Бульвар Ленинского

Комсомола, пятый дом, двадцать третья квартира. Это одно из их мест. Я там была. Ужасно... Голые стены... Я увидела ту надпись и поняла, что больше так не могу. Пусть... Я виновата, что сразу не поняла. Они зацепили меня через месяца два... Или три. Не помню. Они всех цепляют. Сразу и прочно, не вырвешься. Сначала уговаривают, потом угрожают. И вдруг ты понимаешь, что стал одним из них. – Женщина запнулась. – Вы мне поможете?

– Да. – Локи по-прежнему равнодушен.

– Все происходит в интернате. У нас в городе есть интернат для трудных подростков. Там... Именно там все начинается. Проституция. Наркотики. И что-то еще. Я пока мало знаю. Очень мало для вас, но для меня – слишком много. Я больше не могу так жить! Жить в доме, который построил страх. Жить на ТЕРРИТОРИИ... Помогите...

– Город?

– Алиев.

– Через два дня. Место встречи назовите сами. Я найду.

– Борисоглебская церковь. Спросите у любого, вам покажут. После вечерней службы я останусь. Я принесу белые лилии. Вы поможете?

– Да. – Слово упало тяжело, как каменная глыба на чью-то могилу.

– Спасибо.

Шипение пленки. Разговор закончен.

А я пыталась осознать услышанное. Дом, который постро-

ил страх... Проституция и наркотики... И все это – под прикрытием серых крыльев пансионата. Интернат для трудных подростков, место, закрытое от внешнего мира. Двухметровый забор и колючая проволока – достаточная гарантия того, что сытых, довольных жизнью обывателей не побеспокоят молодые волчата, живущие за бетонной стеной. Трудные подростки... Кому придет в голову интересоваться их глупыми подростковыми делами, там ведь все так красиво, прилично, тихо. Внешне. А изнутри... Зачем вникать?

– Ты не будешь кричать, если я тебя развяжу?

Я замотала головой: не буду, хотя мне действительно хотелось кричать от того, что я только что услышала.

Локи

Все получилось даже проще, чем он предполагал. Бело-брысая спала, свернувшись калачиком. Так спокойно, что Локи почувствовал легкий укол совести. После его рассказа она вряд ли сможет так безмятежно спать. Вот он, например, не мог. Не из-за кошмаров, нет, ни один ночной кошмар не сравнится с тем, что ему доводилось видеть наяву, – просто не мог. Ложился, закрывал глаза и ждал. Локи часами мог ждать того момента, когда же, наконец, придет сон, но тот не приходил. Обидно.

Все, хватит смотреть, он ведь не за этим сюда пришел. Действовать следует аккуратно: одной рукой закрыть рот, так, чтобы она не закричала, когда проснется, другой – нащупать незаметную точку на шее. Она успела только открыть глаза – и потеряла сознание. Вряд ли она добровольно согласилась бы выслушать его. А так у нее не оставалось выбора.

Локи наблюдал, как менялось выражение ее лица, быстро, словно рисунок волн под рукою ветра. Она не с ними. Не с ними! Он угадал. О том, что бы было, ошибись он в своих предположениях, Локи старался не думать. Зачем, ведь она – не с ними, она сама по себе. Была сама.

Лия

Он развязал меня. Хотя нет, развязал – совсем неподходящее слово. Осторожно, стараясь не поцарапать мои руки, несостоявшийся маньяк разрезал скотч сначала на ногах, потом на руках. Потянулся было к лицу, но я поспешила содрать тонкую полоску сама. Черт побери, больно! И кожа стала неприятной, липкой. Ненавижу, когда у меня кожа липкая.

– Ты кто?

– Локи, – просто ответил он.

– Это твое имя?

– Нет. Не совсем. Но можешь называть меня так. – Он снова уселся на кровать, совершенно по-хозяйски. Можно подумать, это я к нему в гости пришла, а не он ко мне – Одеваясь, – посоветовал гость. – Будем разговаривать.

Не знаю, как насчет разговора, а вот что касается одежды, тут он прав. Натянув любимый теплый халат, я почувствовала себя намного увереннее.

– Ну? – Мне казалось, что разговор должен начать именно он.

– У тебя кофе есть? – спросил Локи. – Или чай?

– Есть.

В кухне все есть, там и поговорить можно. Дурацкая привычка вести все более-менее серьезные разговоры именно в

кухне осталась с детства. Дядя Захар тоже предпочитал кухню кабинету, вот и я... Хотя, почему бы и нет? В конце концов, в квартире одна комната, и мне не нравится, что этот малознакомый тип расселся на моей кровати, лучше уж кухня.

Себе я заварила чай, ему, как он и просил, кофе. Крохотная фарфоровая чашечка почти утонула в его ладонях. Он смешно попытался обнять посудину обеими руками, словно это был стакан. В результате чашка, возмущенная таким бесцеремонным обращением, выскользнула из его пальцев, и кофе расплескался.

Пришлось варить еще порцию, на этот раз я вылила черную жидкость из турки в стакан, пусть, если ему так удобнее. Кстати, при нормальном освещении Локи выглядел еще более худым и неухоженным, чем мне показалось на первый взгляд. И глаза у него были... разные. В самом деле, разные. Один карий, почти черный, второй зеленый, как осколок бутылочного стекла. А из темно-каштановой нечесаной шевелюры выбивалась снежно-белая прядь, словно метка. Пришелец был одет в старые, не слишком чистые джинсы и черный свитер с растянутыми рукавами. Он вообще выглядел потеряннным, жалким и совершенно не страшным.

– Как зовут твоего кота? – Стакан Локи понравился больше, чем кофейная чашечка.

– Рафинад.

– Кис-кис, – Локи попробовал позвать кота. Тот, есте-

ственно, и не шелохнулся.

– Он глухой.

– Почему?

– Все белые голубоглазые коты страдают врожденной глухотой. Генетика.

– Тогда понятно. – Что там ему стало понятно, Локи не удосужился пояснить, а я не спрашивала. Тем более, что теперь он начал разглядывать меня. Неудобно как-то. Неуютно. И глаза у него разноцветные, хотя это я, кажется, уже говорила.

– Ты мне поможешь?

– Я?

– Ты. Ты же там работаешь.

– Это еще ничего не значит!

– Значит. – Локи шумно отхлебнул из стакана. Может, следует предложить ему булку с вареньем? Обойдется! Я его к себе не приглашала. И вообще, следовало бы милицию вызывать, а не чай с ним распивать.

– Ты плохо слушала? – Он с укором посмотрел на меня.

– Почему плохо? Хорошо. Очень даже хорошо. Кто это был?

– Евгения.

– Кто эта Евгения?

– Она работала в интернате. До тебя. Теперь ее нет. Умерла.

– Как умерла? – О чем это я? Какая разница, как именно

умерла эта неизвестная мне Евгения? Я не собираюсь лезть в это дело, я – девушка благоразумная, приключений на свои нижние девяносто не ищу. Если все на самом деле так серьезно, как он говорит, тогда нужно обратиться в милицию, а не играть в техасских рейнджеров.

Все мои доводы разлетелись вдребезги, когда Локи протянул мне фотографии. Три штуки. Три разноцветных матовых куска бумаги с потрепанными краями. Видно было, что Локи часто смотрел на эти снимки так часто, что, наверное, запомнил каждую деталь. Например, слипшиеся черные волосы. Или пустые, широко распахнутые глаза, как у куклы. Или перекошенный рот с размазанной помадой. Ей совершенно не шла помада такого темного оттенка. Цвета раздавленной вишни.

– Убери! Немедленно убери это! – Я швырнула фотографии ему в лицо, но картинка все равно стояла перед моими глазами: искореженное, изломанное тело, сведенное последней судорогой лицо очень красивой женщины. Мне было легко сопоставить лицо и голос, тот, с пленки, он принадлежал именно ей, черноволосой Кармен с губами цвета раздавленной вишни.

– Ее убили? – Я спрашивала и сама понимала – шаг за шагом я окончательно попадаю под власть этих странных разноцветных глаз.

– Тридцать два проникающих ножевых ранения, – спокойно ответил Локи. – Мы так и не встретились.

– Тогда почему ты здесь? Почему ты не уехал?

– Я должен поймать его.

– Кого – «его»?

– Крысиного короля. – И он это произнес на полном серьезе, он, наверное, вообще шутить не умеет. Смешно, бошутков – и не умеет шутить.

– Как ты вышел на меня?

– Ты все-таки плохо слушала. Улица. Дом. Номер квартиры. Я просто пришел по адресу. Чья это квартира?

– Моя.

– И ты работаешь в интернате? – недоверчиво переспросил Локи.

– Работаю. Да, я там работаю, да, это моя квартира. Она уже целую вечность моя! – Я почувствовала, как меня с головой накрыла волна радости. Он ошибся. Городом. Улицей. Интернатом. Всем! Это моя квартира, и здесь не могло происходить ничего ужасного!

– Ты жила здесь? – Локи выглядел озадаченным и расстроенным.

– Нет. Я только месяц, как заселилась. Чуть больше.

– Я знаю, – кивнул он. – Я следил. До того здесь был другой замок.

– И что ты хочешь этим сказать?

– Если ты жила в другом месте, то могла и не знать, что здесь творится.

– Я сдавала жилье! Тебе понятно? Здесь жили люди!

– Ты их видела? Видела, что они здесь жили? – Идиотский вопрос. Хотя... Не такой уж и идиотский. Я ведь на самом деле ничего и не видела. Каждый месяц приезжал один и тот же мужчина и привозил мне деньги. Соседи на жильцов не жаловались, жильцы не жаловались на квартиру. Всех все устраивало, меня в том числе.

– Нет, не видела, – призналась я. – Но когда я сюда заезжала, все было нормально. Ну, не в полном ажуре. Ремонт, конечно, требовался, но никаких зловещих надписей, никаких брызг крови или странных знаков я не обнаружила. Честное слово!

– Нужно содрать обои, – предложил Локи.

– Ты серьезно?!

– Нужно найти надпись. Я не мог ошибиться. – Конечно, он ошибиться не мог, а мне, значит, собственными руками предлагается уничтожить плоды многодневных трудов. Содрать обои! Сейчас, только шнурки поутюжу.

– Под обоями ничего нет. Ничего! Другие обои. Старые. Если тебя так интересует их цвет, можешь отодвинуть шкаф. Я его с места сдвинуть не смогла.

– Шкаф? – Локи заинтересовался. – Какой шкаф? Тот, который стоит в комнате?

– Он самый. – Шкаф был единственным более-менее приличным предметом мебели в моей квартире. Довольно новый и почти совсем не поцарапанный, только чертовски тяжелый. Я честно пыталась отодвинуть его, но, увы... Не теми

видами спорта я в детстве занималась.

– Пошли. – Локи соскользнул с табуретки, и вот он уже в комнате, внимательно рассматривает злополучный шкаф. А зачем на него смотреть, шкаф как шкаф, трехстворчатый, из темного дерева, или что там теперь в мебельной промышленности вместо дерева используют? Шкаф стоял не слишком удобно – почти вплотную к балконной двери, в результате она полностью и не открывалась. Но передвинуть его в другое место я не сумела. Хотя теперь, похоже, мне помогут. Даже если я очень попрошу оставить мебель в покое.

– Это твой шкаф?

– Мой, – не слишком уверенно ответила я. Логично ведь, если квартира моя, то и шкаф тоже мой.

– И как давно ты его купила?

– Не знаю. Вообще-то, я его не покупала. Квартиру мне подарили вместе с мебелью. На совершеннолетие. – Вот последнее я могла бы и не уточнять.

– И как давно это было?

– А тебе какая разница?

Локи вздохнул. Предатель-Рафинад ласково потерся о ноги ночного гостя.

– Понимаешь, мне нет дела до твоего возраста. Мне просто нужно знать, как давно этот шкаф стоит в этой квартире на этом самом месте.

– Хорошо. Девять лет! Тебя устраивает? Девять лет тому назад мне подарили эту квартиру со всей мебелью. Ну, чуть

меньше. Понятно? И, во избежание следующих дурацких вопросов, уточняю. Подарил отчим. Официально он мой отец, дядя Захар меня удочерил. Понятно?!

– Понятно, и не надо так кричать, соседей разбудишь. Значит, ты его не покупала?

– Нет. – Я решила ограничиваться односложными ответами. Может, ему надоест со мной разговаривать и он, наконец, уберется. Но не выдержала. – А что?

– А то, что ему не больше трех лет. – Заметив мой удивленный взгляд, Локи пояснил: – Три года тому назад я сам купил такой. Для... одной своей знакомой. Тогда это была самая новая модель. Последняя разработка. Там, внутри, зеркало в полный рост, со встроенной подсветкой. И полочка под ним откидывается, чтобы можно было косметику ставить.

– Точно. – Зеркало имелось, и полочка тоже. – А на зеркале снизу узор.

– Виноградная ветвь. Теперь понятно?

– Ничего не понятно! – Действительно, какая разница, три года этому несчастному шкафу или все девять? Новее он все равно не станет.

– Если ты не докупала мебель в эту квартиру и вся обстановка была приобретена вместе с помещением, тогда этот шкаф приобрели твои гипотетические жильцы. Верно?

– Похоже на то.

– Они уехали, забрав всю мебель, но оставили почти но-

вый шкаф, вещь достаточно дорогую. Нелогично.

– И дальше что?

– Дальше? Если предположить, что на стене имеется некая надпись, которую некто хотел спрятать, я повторяю пока только предположительно, то... В общем, два варианта: либо обои переклеить, – не слишком надежно, а вдруг бы ты, начав ремонт, решила бы обои ободрать и наткнулась на спрятанное? Второй вариант – сделать так, чтобы ты при всем желании туда добраться не смогла. Тогда оставалось купить мебель потяжелее и поставить ее.

– А если бы я все-таки его сдвинула?

– Но ты же не сдвинула. Кто-то знал, что в квартиру заселится одинокая молодая женщина, самостоятельная, но все-таки женщина. Один шанс из тысячи, что она, напрягаясь из последних сил, будет двигать тяжеленный шкаф. Я ведь прав?

– Ну, допустим, прав, что тогда?

– А это мы сейчас увидим. – Локи окинул мебель взглядом грузчика-профессионала.

– Ты же не собираешься сейчас...

Он не ответил. Собирался. Еще как собирался! Локи распахнул шкаф, и мои платья, немногочисленные костюмы, брюки, свитера и прочее полетело на пол. От такой наглости я онемела, а Рафинад, выбираясь из-под блузки, одобрительно мяукнул.

– Нужно разгрузить его, – Локи наконец соизволил про-

яснить ситуацию, – иначе мне не сдвинуть.

– А нормально сказать нельзя? – Я сгребала вещи в одну кучу, потом разберу.

– Отвертка есть?

– Не знаю. Во всяком случае, мне на глаза она не попадалась.

– Принеси мой рюкзак, – скомандовал Локи. – Он в коридоре.

Рюкзак? Это ж каким воображением обладать надо, чтобы назвать вот эту холщевую грязную сумку рюкзаком?

– Оно? – Я держала сумку двумя пальцами. Неудобно, тяжело и выskalъзывает.

– Да. – Локи добрался до нижних ящиков, куда я складировала белье, а также другие личные вещи.

– Стой! Туда нельзя! Я сама!

Он отступил. Пока я бережно и аккуратно переносила ящики в угол, Локи с неослабевающим энтузиазмом принялся копать в шкафу, сначала дверцы открыл, потом и внутрь залез. Может, все-таки имеет смысл позвонить в милицию?

– А ты его обратно... ну, соберешь?

Мой гость не ответил. Соберет, как же, жди больше, как все мужчины, он из детства не вылез, разломать – пожалуйста, а вот починить – так тут вам, Лия Захаровна, мастера вызывать придется.

Я села на кровать и обняла кота, которому не слишком

понравились мои телячьи нежности. Рафинад предпочитал наблюдать за тем, как от моего замечательного трехстворчатого шкафа остается набор досок разного размера. Тоже мужик, хоть и на четырех лапах. Признаюсь, я даже слегка задремала, все-таки ночь на дворе.

– Эй, – кто-то потряс меня за плечо. – Смотри!

Куда смотреть? Мои глаза упорно не желали открываться. Организм хотел спать, спать и еще раз спать. Но Локи не отставал, надо было его прогнать, жаль, не додумалась.

– Просыпайся!

Вот же привязался! Чего ему от меня надо? Ах, да. Шкаф. Наконец, мое зрение соизволило обрести нужную резкость. Так вот, шкафа больше не было, от него осталась пирамида из ящичков в углу, зеркало в полный рост, по поверхности которого в данный момент Рафинад гонял лапой шуруп, и куча досок. Зато была стена. Те же обои в дурацкий цветочек, выцветшие настолько, что этот самый цветочек с трудом можно было рассмотреть. Да и зачем на него смотреть? Цветочки – это ведь так банально! Вот надпись – это куда интереснее. Неровные буквы, написаны чем-то бурым. Полуметровое «П», одна перекладина длиннее другой, рядом крошечное кривобокое «о», нервное «м», «г» с ровной верхней перекладиной, будто нарисованной под линейку, по-детски неуклюжее «е». ПОМОГИТЕ.

Помогите...

Помогите мне, пожалуйста! Пусть это будет всего лишь

сон, глупый ночной кошмар, который исчезает с первым лучом солнца. Пусть завтра от этого кошмара у меня будет болеть голова и под глазами останутся синие круги, которых не скроет даже толстый слой пудры и тонального крема. Пусть я целый день буду ходить, словно один из солидных английских призраков, спокойная и безучастная ко всему происходящему вокруг меня. Пусть. Только бы это все оказалось кошмаром. И ночной визитер с разноцветными глазами и именем зловредного скандинавского божка, и диктофонная запись непонятного разговора, и фотографии убитой темно-волосой женщины, и эта надпись. Вот сейчас я закрою глаза, посижу немного, а когда открою, все исчезнет.

Не исчезло.

Локи

Она испугалась. Странное дело, она почти не боялась его, ни когда сидела абсолютно беспомощная, привязанная к стулу, ни слушая запись разговора, ни увидев фотографии. Не боялась. За свою жизнь он хорошо научился чувствовать чужой страх. У страха был металлический привкус на губах, алые молнии на белках глаз и блестящие капельки на верхней губе.

Локи пристально наблюдал за ней, особенно, когда отпускал. Человек, который тебя боится, способен на многое, испуганный человек опасен. И вот теперь она испугалась по-настоящему. Можно понять: одно дело, когда сумасшедший незнакомец рассказывает тебе страшную сказку, всегда успеешь сказать, что его история – не более чем выдумка. И совершенно другое, когда следы этой выдумки находишь в собственной квартире.

Она зажмурилась, словно испуганный ребенок.

– Открой глаза.

Она послушалась.

– Это ты нарисовал? Пока я спала? – Она спросила это с такой надеждой, что... Жаль было разочаровывать девушку, Локи вообще начал жалеть, что побеспокоил ее. В конце концов, можно было бы придумать что-нибудь еще, найти обходной путь.

– Нет. Она была здесь. Не веришь?

Белобрысая не ответила, но и так было ясно. Не верит.

– Краска старая. Подойди ближе, сама увидишь.

– Я... Верю. Что теперь?

– Теперь... Ты мне поможешь? – Вопрос существенный.

Если она откажется, тогда... Тогда его план полетит к чертям собачьим. Она знает слишком много, чтобы в случае отказа просто забыть о его визите. Молчать она не сможет – пойдет в милицию, оттуда ее, естественно, пошлют. Но поведение... За ней ведь следили... А весь успех операции зависит оттого, как долго ОНИ будут оставаться в блаженном неведении. О нем никто не должен знать, пусть думают, что он не приехал. В конце концов, известно, что Ловец никогда не работает даром, но встреча не состоялась, Евгения не успела заплатить. Они вовремя устранили опасность. Думают, что вовремя. А эта... Она согласится. У нее выхода другого нет.

Лия

Мы снова сидели в кухне. И Локи опять обнимал обеими руками стакан с кофе. Не пил, грелся. Во всяком случае, у меня возникло впечатление, что ему холодно. А еще он говорил. Черт, он говорил какую-то ерунду, а я слушала.

Все дело в том, что ему нужна моя помощь. Одного разговора слишком мало, чтобы заинтересовать милицию. Да и сам разговор... Ничего конкретного, вопли истеричной впечатлительной женщины. Все объяснимо. Все. Даже надпись на выцветших от времени обоях в глупый цветочек. Надпись, найденная в моей квартире, за моим шкафом. Или не моим? Не важно.

Ему нужна информация. Много информации. О преподавателях, о директоре, о детях, об интернате, обо всем. Такая информация, которая со временем могла бы превратиться в улики, а, когда появляются улики, в дело вступают совершенно другие силы. Локи не способен добыть эти сведения. Он не трус – человек, который садится играть в карты с дьяволом, по определению не может быть трусом. Причина в другом: забор и колючая проволока, башнеобразные охранники и строгий пропускной режим. И еще то, что чужак внутри ТЕРРИТОРИИ виден сразу, там даже уборщики свои, проверенные.

У Локи не было доступа внутрь, зато он был у меня. Я –

одна из них, воспитатель, пока только воспитатель, но Локи абсолютно уверен: такое положение дел продлится недолго. Очень скоро произойдет некое событие, которое определит мою дальнейшую судьбу и привяжет меня к ТЕРРИТОРИИ. И он хотел, чтобы я согласилась. Согласилась на все, что мне предложат. Я буду там, но я буду с ним, он обещает заботиться обо мне, обещает помочь, когда станет жарко. Локи обещает, что я не пострадаю.

– Нет.

Определенно – нет. Однозначно. Я не агент «007», в юбке или без оной, я не тяну на роль Джеймса Бонда. Затея Локи глупа – это самое мягкое выражение. Я не имею ни малейшего желания играть в шпионов или разведчиков. И то, и другое – словесные штампы. А я – не штамп, я – человек, и я боюсь, очень боюсь.

– Почему?

Ну как ему объяснить, почему! Я и для себя не нашла подходящих слов.

– Иди в милицию. Пусть они устроят проверку.

– Ничего не обнаружат. – Локи был отвратительно спокоен. – Всегда найдется доброжелатель, который заранее предупредит их о такой проверке. Всегда найдется глубокий незаметный подвал, куда можно убрать опасные игрушки, способные оскорбить взгляд проверяющего. Всегда...

– Я поняла!

– У тебя нет другого выхода.

– Это еще почему? – Умом я понимала, что соглашусь, но пусть он скажет, пусть я буду думать, что пошла на эту авантюру под давлением.

– Хотя бы потому, что если кто-то из них узнает о моем визите, ты умрешь. – Он сказал это так спокойно, словно сообщал о том, что записал меня на завтра к стоматологу. Господи, ну за что мне все это?

– Они хорошо меня знают. На твою беду, слишком хорошо. Пока они уверены, что меня здесь нет, ты в безопасности. Если я начну действовать сам, тогда... Они предпочтут зачистить все концы. Эта квартира – здесь творились странные дела... Страшные дела. Сама по себе она ничего не значит, но, в сочетании с другими уликами... Улики уничтожают. Тебя тоже уничтожат. Ты можешь описать того человека, который привозил деньги. Или ты могла что-то увидеть там, в пансионате, что-то, не предназначенное для других глаз. Или... – Локи отхлебнул кофе, обдумывая, что именно добавить после очередного «или». – Скорее всего, произойдет какой-нибудь несчастный случай. Например, взорвется газовый баллон.

– У меня нет газового баллона.

– Тогда ты уснешь в постели, не затушив сигарету.

– Я не курю.

– Всегда можно сослаться на утечку газа.

– Прекрати! – Мне и так страшно, а он тут сидит, пьет мой кофе и как ни в чем не бывало обсуждает, каким способом

удобнее сжить меня со свету. – Если я начну тебе помогать, меня прикончат еще быстрее.

– Нет. Я скажу тебе, как себя правильно вести.

– Я не смогу.

– У тебя нет выбора. – Локи посмотрел мне в глаза. Нет выбора, он прав, абсолютно, совершенно прав. Я не смогу жить, как раньше, ходить на работу, улыбаться, сплетничать, распивать чай, смотреть в глаза девочкам. Не смогу. Я ведь человек, а, значит, у меня два пути: или идти в милицию, или помогать этому странному человеку с разноцветными глазами и белой меткой в волосах. Милиция... Локи прав и здесь: они ничего не найдут. Это ведь так просто: не пускать внутрь, недолго, минут пятнадцать, ну, допустим, директора искали, созванивались, пытаюсь выяснить, что происходит. А сами... Пятнадцать минут – это очень много, хватит, чтобы спрятать все, что не должны видеть чужие глаза...

– Я согласна. – Теперь мой голос звучал гораздо увереннее.

– Я рад. – Локи протянул мне шершавую ладонь. – Добро пожаловать в команду, не пожалеешь.

Черт. Я уже жалею!

Локи

Она согласилась, причем быстро, он даже не ожидал. Локи думал, что придется прибегнуть к более весомым аргументам. Например, рассказать о том, как умирала Евгения, или показать другие фотографии. Тех четырех девочек, юных, словно первая липкая листва, и мертвых, как мокрый весенний снег. Гера сказал, что, возможно, есть и другие, просто о них никто не знает. Он хорошо их прятал, очень хорошо. Двадцать лет прошло, а они знают только о четырех.

Но белобрысая сказала «да», и, значит, она никогда не увидит эти чертовы снимки. Ни к чему ей знать, за каким зверем он собирается охотиться.

«Это будет хорошая охота, – сказал Вожак, – но для многих из нас она станет последней». Пророческие слова, Локи чувствовал, что это будет его последнее дело, но... *Alea jacta est.*⁴ Фигуры расставлены, партия начинается.

– О чем ты думаешь? – Хозяйка квартиры с зеленой дверью смотрела на него, как на чудо.

– Ни о чем, – соврал Локи. Говорить правду – слишком долго и утомительно, все люди говорят, что они думают «ни о чем», когда их спрашивают. Тяжело переводить мысли в слова.

⁴ Жребий брошен» (лат.). – В 49 г. до н. э. Юлий Цезарь перешел с войсками реку Рубикон, тем самым нарушив закон и начав войну с римским сенатом.

– Так не бывает. Все о чем-то думают. А ты что, особенный?

– Особенный.

– Да ты вообще кто такой?

– Что именно тебе хочется узнать? – Локи не злился, ему было смешно.

– Как тебя зовут? Нормальное имя, а не эта кличка. Чем ты занимаешься? И вообще, откуда ты такой взялся на мою голову?

– Зовут меня Локи, просто Локи. Он – это я. Я – это он. Имена лгут. Локи – это не имя и не кличка. Это – моя суть. Занимаюсь я... – Тут Локи призадумался. Ну как ей объяснишь, чем он занимается? Ведь у его профессии даже названия нету. Кажется... – Я – ловец душ.

Да, так будет правильнее всего, в конце концов, не зря же его так называют.

– Кто?

– Ловец душ. Я ищу заблудившихся в вере и возвращаю их к Богу, или, на худой конец, к людям. Не понимаешь?

Белобрысая мотнула головой, как норовистая лошадь. Она вообще была похожа на благородное животное, не внешне – движениями плавными и грациозными, походкой, напоминающей не то танец, не то скольжение, точными и выверенными жестами. Они были такие стремительные и в то же время неуловимо ленивые. Нет, не лошадь, решил Локи. Кошка. Женщина-кошка. Кошки чрезвычайно умные суще-

ства, а она – не понимает.

– Секты. Я занимаюсь сектами, в последнее время их развелось очень много. Люди ищут бога, а попадают туда, откуда без посторонней помощи им не выбраться. Они и не хотят выбираться, как правило, ко мне обращаются родственники или друзья тех, кто попал в секту. Как к последней инстанции.

– И ты помогаешь?

– Не бесплатно. – Ореол героя ему совершенно не нужен, ему платят, он работает. Профессий много: кто-то строит дома, кто-то водит машину, кто-то лечит, а кто-то варит пиво или продает водку. Милиция ловит преступников, а он, Локки – заблудшие души.

– И много заработал? – Услышав о деньгах, она сразу нахмурилась, словно он заговорил о чем-то крайне неприличном. У нее вообще было очень живое лицо. Кстати, он так и не удосужился поинтересоваться, как ее зовут.

– Мне хватает. Как тебя зовут?

– Лия.

Лия. Красивое имя. В нем слышался звон китайских колокольчиков, крошечных фарфоровых звоночков, расписанных вручную, или радостный перестук капель дождя, скользящих по стеклу, или серебряный шум березовой рощи, запутавшейся в облаке солнечного света. Хорошее имя, и она тоже хорошая. Высокая, даже чуть выше его, стройная и светлая, словно одна из молодых березок в той самой роще.

Ей бы на подиум, под колпак искусственного света, в футляр из искусственной красоты, а она сидит здесь, с ним, и от этого становится как-то радостно, что ли, хотя поводов для радости совершенно не предвидится. Все равно, душа пела, в такт перешептыванию острых листьев в форме сердечка. Почему он никогда раньше не задумывался, что у березы листья в форме сердечка? И хорошо, что не задумывался, о деле думать надо. О деле, а не об этой малознакомой девице со светлыми волосами и певучим именем Лия.

– Дай мне послушать еще раз, – попросила она.

– Зачем?

– Нужно.

– Ладно.

Она слушала внимательно, гораздо внимательнее, чем в первый раз. Слушала, по-птичьи наклонив голову на бок, и двигала губами, будто проговаривала текст на пленке. А возможно, и проговаривала, следом за Евгенией и за ним. Зачем ей это? Но Локи не мешал, раз попросила, значит, нужно.

– Еще? – Спросил он, когда пленка закончилась.

– Нет. Крысиный король – кто это?

– Если бы я знал...

– Но он существует? Существует на самом деле?

– Существует человек, который скрывается за маской Крысиного короля, и этого человека я должен найти. Человека и маску.

– Подожди! – Она выбежала из кухни – сорвалась с места

и вихрем унеслась в комнату. Вернулась через минуту. – Вот! Это одна девочка нарисовала. Из моей группы. Совсем еще ребенок...

Это и так понятно. Линии неровные, но четко прорисованы, предметы крупные, никакого представления о перспективе, все в одной плоскости. Но маленькой художнице удалось передать главное: страх, ужас, боль и образ Крысиного короля. На рисунке был именно он, никаких сомнений. Значит, маска все-таки существует. Черт, не то чтобы Локи в этом сомневался, просто впервые он подобрался к НЕМУ так близко...

Того и гляди, добыча учует его и сама превратится в охотника.

Лия

Он рассматривал этот несчастный рисунок с таким видом, что я даже испугалась. Ни дать, ни взять, узрел перед собой великое полотно работы известного мастера. Или лицо врага, которого до сего момента в глаза не видел, но точно знал, что он существует. Последнее явно ближе к правде. Оторвавшись, наконец, от созерцания картинки, мой ночной гость аккуратно согнул листок пополам и засунул его в свой рюкзак.

– Пора спать, – заметил Локи.

– Пора. – Я не могла с ним не согласиться. Я бы и спала, давным-давно спала и видела бы замечательные сны. Следующий его вопрос поставил меня в тупик.

– Где тут будет мое место?

– В смысле – твое место?

– Где я буду спать?

– Понятия не имею. – Но точно не у меня в квартире, добавила я мысленно. – А где ты спал до этого?

– На улице, – спокойно ответил Локи, – в парке, на вокзале, где придется.

Все понятно. Бомжевал, как мог, потому и видок у него, мягко говоря, непрезентабельный, а теперь ко мне напрашивается. Не уж, я еще остатки инстинкта самосохранения не утратила, чтобы позволить этому типу обосноваться в соб-

ственной квартире.

Или утратила? Через полчаса я засыпала на мягкой кровати, которая, кстати, уже успела остыть, и мне пришлось свернуться в клубочек, чтобы не замерзнуть. А Локи устроил себе лежбище – другого определения не подберешь – среди остатков шкафа. Подушку, одеяло или хотя бы плед я ему не предложила – из вредности. Локи обошелся и так, сразу видно, что практика ночевок в самых разнообразных местах у него обширная. Вытащил из своего необъятного рюкзака не то огромный плащ, не то просто кусок брезента, закрутился в него, точно гусеница, которая превратилась в куколку, и мгновенно отрубился. Хорошо, хоть не храпел. А я все никак не могла заснуть. Нервное потрясение, наверное.

Кстати, Рафинад впервые в своей кошачьей жизни предпочел спать на полу и, устроившись где-то под боком у Локи, тихонько замурлыкал, предатель.

Дед Мороз

Свое собственное расследование Максим Ильич решил начать с интерната, в котором работала погибшая. Начальство в свои планы Морозов посвящать не стал, ибо чем меньше начальство знает, тем меньше дурацких вопросов задает.

За пять лет существования школы-интерната для трудных подростков горожане успели привыкнуть к непроницаемым серым стенам, за которыми, собственно говоря, и проводили все свое время воспитанники. Прежде чем стучаться в железную дверь, Максим Ильич постарался узнать о школе-интернате как можно больше. Обилием и разнообразием информация не радовала. Школа была заведением частным, находилась под государственным присмотром, естественно, но все равно, сегодня ведь какое правило – кто девушку кормит, тот ее и танцует, а кормился интернат не из бюджета. Официальным спонсором являлась Церковь Живой веры, иначе – Церковь обретения Благодати Божьей, вернее, российский филиал таковой, головная контора находилась где-то за рубежом, по одним данным, в Америке, по другим, в Англии, по третьим – вообще в Египте. Чем это иностранное учение отличалось от классического христианства, например, того же православия, Максим Ильич понять даже не пытался, богословские вопросы – не та тема, в которой хорошо разбирался бы обычный мент, выросший в духе ком-

мунистического атеизма.

В Алиеве представители альтернативной веры, как они сами себя называли, или сектанты, как о них отзывался православный батюшка, выкупили участок земли, находившийся почти в самом центре города, и развернули строительство. Благо, на этом участке располагались лишь старые склады, построенные тут, когда место это центром города еще не являлось. Строили быстро, через полгода на месте складов возник комплекс двух-и трехэтажных зданий. А еще спустя месяц вокруг площадки протянулась глухая серая стена, надежно отгородившая комплекс от внешнего мира. Лишь скромная табличка, намертво припаянная к воротам, свидетельствовала, что здесь располагается школа-интернат для трудных подростков. Время от времени школу посещали самые разнообразные комиссии – такое заведение никак не может существовать без чуткого государственного контроля, но все проверяющие удалялись, полностью удовлетворенные увиденным. Однажды, в порыве энтузиазма, о школе написали в местной газете.

Вот, собственно говоря, и все. С одной стороны, не так уж и мало, а с другой? Максим Ильич считал себя закоренелым циником и давно уже не верил в благотворительность. Да и вообще, не нравилось ему здесь. Толстомордый охранник в темно-зеленой униформе долго не соглашался пропускать деда Мороза на территорию школы. Ни его слова, ни почтенный возраст, ни даже служебное удостоверение не про-

извели на него впечатления.

– Не положено! – И весь ответ. Но Максим Ильич отступить не собирался. Наоборот, оказываемое сопротивление лишь раззадоривало его. И он добился, чтобы охранник связался с дирекцией. Директором. Разрешение было получено, более того, Игнат Владимирович лично вышел на пропускной пункт, интересно, с чего бы? Вариант первый: желает таким образом показать, что к милиции он относится с почтением и уважением, что маловероятно. Вариант второй: если уж сыщик все равно приперся, то пусть лучше под присмотром побудет.

Через пару минут Максим Ильич был вынужден констатировать печальный факт: его опасения полностью подтвердились. Директор сего богоугодного заведения был мил и любезен, насколько можно быть любезным по отношению к человеку, которого ты совершенно не желаешь видеть. Он четко отвечал на вопросы, тщательно скрывая свое недовольство, и лишь изредка благородный римский нос его некрасиво морщился, словно его обладателю приходилось вдыхать нечто отвратительное.

– Мне сказали, – разговор проходил в личном кабинете Игната Владимировича, и от этого директор чувствовал себя гораздо спокойнее. Что ж, дома, как говорится, и стены помогают, – что дело закрыто.

Директору крайне не нравился его собеседник, ему вообще менты не нравились. А этот был как-то особенно непри-

ятен: маленький, сгорбленный, словно карлик из сказки, лысинка блестит, а глазки холодные, цепкие, посмотрит – и как рентгеном просветит, до самых косточек.

– Закрыто, – голос у неожиданного гостя был сиплый, будто простуженный, казалось, вот-вот товарищ милиционер начнет хлюпать своим носом с крупными черными порами, из-за которых несчастный нос казался большим и грязным, и вытирать сопли рукавом коричневого пальто, сшитого, наверное, еще при Андропове. Но нет, мент кряхтел, сипел, но вел себя прилично, только вот пальто свое снять отказался. Тоже мне, комиссар Коломбо, с неприязнью подумал директор.

– Тогда чем обязаны?

– Да так, некоторые детали уточняю. – Максим Ильич удобнее расположился в мягком кресле. А кабинет у этого хлыща ничего, солидный. Вон мебель какая, тяжелая, деревянная, не то, что в его собственной комнатенке, которую кабинетом назвать язык не поворачивается. В комнатенке с трудом удалось расположить старый шкаф, стол и два деревянных, точнее, сделанных из вечного ДСП стула. Все поцарапанное, извозюканное и просто старое. А здесь – блеск, кожа, запах лака и полироли. Красота!

– Будем рады помочь следствию. – Сморщенный нос директора утверждал совершенно обратное, примерно следующее: будем рады, если вы уберетесь куда-нибудь подальше, например, к своему столу и колченогому стулу со сломанной

ножкой. Ничего, успокоил себя дед Мороз, пусть думает, что хочет, мы люди не обидчивые. Дальше пошло по накатанной: вопрос – ответ, и внутренний детектор лжи на подхвате.

– Как давно вы знали потерпевшую?

– Около года.

– А точнее?

– Ну... – Хлыщ призадумался. – Примерно с мая прошлого года.

– Как вы познакомились?

– Обычно. У нас имелась вакансия, мы дали объявление в газету, она устроилась к нам на работу. Вот, собственно, и все.

– Так уж и все? – Максим Ильич хитро прищурился. – Она пришла, и вы сразу ее взяли?

– Не сразу, конечно. Было собеседование. Конкурс. Нам она понравилась больше других кандидатов.

– Нам – это кому?

– Мне и Светлане Игнатьевне, это моя заместительница.

– И ваша дочь?

– Нет, – директор устало улыбнулся, видимо, с этим вопросом к нему обращались неоднократно, – просто совпадение. У меня детей вообще нет.

– Ага, – дед Мороз пребывал в некотором смятении: не слишком приятно почувствовать себя дураком, хотя бы даже на мгновение. – И как ей у вас? Понравилось?

– Полагаю, что да.

– Так полагаете или – да?

– Да. Наверное. Ну, вы же сами понимаете, что в душу другому человеку не заглянешь. Женечка не жаловалась, работала хорошо, уходить никуда не собиралась, наоборот, мы планировали подписать трудовой контракт не на год, как обычно, а на три.

– Почему?

– Она была хорошим специалистом. Очень. Дети ее любили, доверяли. А наши дети – особые создания, к ним не легко найти подход.

– И как Евгения отнеслась к подобной перспективе?

– Она была не против. У нас хорошая зарплата и условия работы, мы стараемся не перегружать наших специалистов, помогаем, если что. Вот.

– Понятно. А какие отношения у нее сложились с коллегами?

– Не берусь судить, поймите, мы тут ни за кем не следим, но коллектив у нас очень дружный, сплоченный, и, если Женечка у нас прижилась, значит, и в отношениях с коллегами у нее все в порядке было...

– А в семье?

– Ох, – Игнат Владимирович извлек из нагрудного кармана белоснежный платок, украшенный вышивкой, и аккуратно вытер пот со лба.

Точнее, не вытер, промокнул, так же, как когда-то в сопливом детстве сам дед Мороз прикладывал тонкую розовую

промокашку к тетрадному листу, чтобы убрать излишек чернил.

– Ну вы же должны быть в курсе, что Женечка – сирота. Нет, у нее имеется сестра где-то в Архангельске... Или в Мурманске, но в Алиеве – никого. Мы и хоронили-то ее сами. Бедняжка!

– Ясно.

Что бы еще такого спросить? Вроде все, что хотел, узнал. «Нет, – поправил самого себя Максим Ильич, – не что хотел, а что тебе позволили. И не узнал ты, старый пес, ничего, совершенно ничего, только почуял, как боится тебя этот надменный прилизанный тип в строгом костюме в тонкую полоску. Хотя, казалось бы, чего ему бояться? Кто он, и кто дед Мороз? Однако ж...»

– Мне бы еще с сотрудниками поговорить. С ее коллегами, так сказать...

Директор счел возможным откликнуться на его просьбу и даже предоставил для беседы собственный кабинет. Спасибо огромное!

Максиму Ильичу однажды довелось побывать на съемках фильма, на этих, как там правильно, пробах. Вот. И все происходящее до головной боли напонило, ему эти пробы. Он – режиссер, напротив – актеры. Он задает одни и те же вопросы и получает на них аналогичные ответы. «Да. Нет. Не знаю. Она была хорошим человеком. Любили. Ценили. Ни с кем не конфликтовала...» Да и учителя эти походили друг на

друга, как две капли воды, не внешне, внешность – ерунда, внешность легко изменить, а душу или что там у человека внутри, ибо, как всякий атеист, в существование души Максим Ильич не верил, – но это изменить невозможно. Вот и преподаватели были такими же странными и недобрыми, как само это место. Они улыбались, вежливо кивали и даже не морщили носы, но... Оставалось ощущение недоговоренности и, более того, почти неприкрытой издевки. Тебе дают то, что ты хочешь услышать, или то, что им разрешили рассказать, не более, и прими это как данность. Не надо копать. В конце концов, есть труп, есть убийца, официально дело закрыто. Что же тебе еще надо? Справедливости? Ну так нету ее, справедливости этой, вся повывелась. Израсходовалась.

Из школы Максим Ильич не вышел – вылетел, злой и раздраженный, хотя и сам понять не мог, отчего. Главное, решимости у него не поубавилось, наоборот, никогда еще после смерти Зары дед Мороз не чувствовал себя таким живым.

Он не видел, как после его ухода холеный директор интерната рухнул в кресло совершенно без сил, истерично мял кружевной платочек с вышитыми золотом вензелями и нервно курил, прямо в кабинете, чего раньше себе никогда не позволял. А потом, слегка успокоившись, закрыл дверь на ключ, извлек из сейфа сотовый и набрал номер, единственный номер, забитый в электронную память дорогой игрушки. Ответили сразу. Он всегда отвечал сразу, словно ждал звонка. Игнат Владимирович обрисовал проблему и оконча-

тельно пришел в себя. Теперь все будет в полном порядке: его собеседник позаботится, чтобы неприятный старик в мятом коричневом пальто больше здесь не появлялся. У человека, чей безжизненный механический голос исправно отвечал на звонки, были свои методы решения проблем, и они еще ни разу в жизни не подводили. Знать бы, как зовут этого кудесника... Или нет? Лучше не знать. Меньше знаешь, крепче спишь, говаривала мама. Игнат Владимирович был совершенно с нею согласен.

Отключившись, он запер телефон обратно в сейф, потеряв виски, прогоняя слабую тень головной боли, которая не замедляла проявлять себя после малейшего волнения, и позвал Светланку. Нужно разрядиться. Да и с новенькой пора что-то решать.

Маска жадности. Год 1901.

Дон-динь-дон. День. Новый день! Хороший месяц – апрель. Природа морщится, жмурится, хмурит по-детски опухшее личико, непонятно, то ли она заплачет, громко, истошно, то ли улыбнется наивной беззубой улыбкой. Хороший месяц.

А вот его подопечные апрель не любят, дикари, что с них возьмешь, ни тебе поэзии в душе, ни красоты в глазах, только и могут, что жрать, как свиньи. А они свиньи и есть, маленькие злобные поросята, и все ведь назло делают: то блох подхватят, то вшей, то заболеют чем-нибудь совсем уж непонятным, приходится на врача тратиться. А как тратиться, ко-

гда каждая копейка на счету? Это томные барышни в модных туалетах, которые в Попечительском комитете заседают, пусть себе вздыхают. Ах, сиротки! Ах, несчастные! Ах, недоедают! Принесут раз в год корзинку с пряниками и пирожными и полагают, что долг выполнили. А с него за каждую голову спрашивают! Вон, в том месяце пятеро подопечных померло, так жандарм чуть душу не вытряс. Как да почему? «Почему, – спрашивает, – у тебя, Степан, дети в обносках ходят? Почему в помещении не натоплено? Почему они у тебя все грязные и голодные?» А сам глазенками по сторонам так и стреляет, так и стреляет! Высматривает, вынюхивает, а все ради чего? Да нет ему, толстому и усатому, до поросят этих никакого дела! Ему бы нарушение какое найти и взятку выторговать. А что у иродов этих малолетних никакого уважения ни к одеже, ни к обуви – раз надел и, считай, пропало, жандарм понимать не хотел. Не напокупаешься ж на всех одежи, пушай что есть, то и носят. И дрова нынче дорогие, в своем кабинете он и то еле топит, где уж тут весь дом обогреть. Есть хотят? Так то ж растут, они постоянно есть хотят, сколько ты их, уродов, ни корми. Но ретивый жандарм все никак не желал внимать доводам директора, не желал, пока не заполучил в свой карман хрустящую синенькую купюру и корзинку с толстым гусем, домашней колбаской и крынкой с медом. Взяточник!

Сам Степан Афанасьевич ни разу в жизни до взятки не опустился, он – человек честный, все, что нажил – резуль-

тат его упорного ежедневного труда. Трудиться он любил и умел, и домашних своих заставлял, и этих, свинят, которые только и хотели, что жрать да спать целыми днями. Нет, не выйдет, недаром его директором сюда поставили, он здесь быстро порядок наведет.

Должность Степан Афанасьевич занимал небольшую, но и немаленькую, в самый раз по нему – директор сиротского приюта. Семьдесят шесть оглоедов под его опекой пребывали. Семьдесят пять, мысленно поправил себя Степан Афанасьевич, вчерась один снова помер, не иначе – для того, чтобы ему досадить. Всех своих воспитанников директор знал в лицо и по имени и всех не любил. Ничего личного, просто где ж это видано, чтобы страна, государство на таких вот упрямых и толстолобых, не способных к пониманию прекрасного, на малолетних преступников деньги тратило? И большие деньги, по пяти рублей на человека в месяц только на еду, а ведь еще одежда, обучение, самого приюта содержание и ремонт. В год хорошая сумма набегала, но Степан Афанасьевич был хозяином рачительным, экономным, зря деньги не тратил: было бы на кого их тратить, все тут – брошенные да незаконнорожденные.

Еще когда он был толстопузым мальчиком Степаном, а не солидным мужчиной, к которому иначе чем по батюшке никто не обращается, учитель домашний рассказывал презанятнейшие вещи про Древнюю Грецию. Дескать, там обычай такой был, что всех увечных, калек и просто ненуж-

ных детишек в пропасть сбрасывали. Тогда мальчик Степка очень расстроился и долго переживал, так ему этих греческих детишек жалко было, а теперь понял: правильный обычай, сколько денег можно сэкономить, ежели его в России принять? То-то же, а приходится ему возиться с этими отбросами общества. Ну ничего, он быстро сумел дело к своей выгоде поставить.

Экономить Степан Афанасьевич с раннего детства обучен был, а дожив до почтенного сорокалетнего возраста, усовершенствовался в сей хитрой науке до невозможности. Втайне профессором себя считал и весьма гордился этим. А что, ничем его наука других не хуже, даже лучше, выгоднее. Сами посудите: ежели в месяц на одного человека положено по пяти рублей на еду тратить, а Степан Афанасьевич в рубль двадцать укладывается, значит, три рубля восемьдесят копеек – его. Ерунда, казалось бы, но помножьте эти три рубля с копеечками на семьдесят шесть человек? Семьдесят пять, вот, помер один, и он, директор, прибытку лишился. Но и без него в месяц двести восемьдесят пять рубликов выходит. А в год? Три тысячи четыреста двадцать! Плюс оклад его немаленький, плюс денежки, которые на одежду положены: скажем, надо купит свиньятам по костюму, а он купит материи подешевле и попрочнее, жена его раскроит, а детишки уже сами себе и сошьют. Заодно пушай к труду привыкают, потом только спасибо скажут!

К труду своих подопечных Степан Афанасьевич приучал

с особым старанием. И огородик свой их разбить заставил, где малолетки копошатся под присмотром Зинаиды. Хороший огородик, тоже копеечку приносит. Те, кто постарше – у купцов или мастеров знакомых подрабатывают. Его, Степанова, задумка, и начальство за нее хвалило его, дескать, он не просто сирот кормит-одевает, а и профессию им в руки дает. И дети целый день при деле, и мастерам хорошо – платят сущие копейки. Но копеечка к копеечке – и, глядишь, не один рублик за год скопился. Вон, своя доченька подрастает, скоро замуж отдавать, так хоть приданое собрать можно будет. Хотя жалко, жалко денег! Туда отдашь, потом сюда, а там, глядь – и сам уже нищий. К деньгам Степан Афанасьевич относился с огромным уважением, ибо хорошо понимал, что настоящая власть – не у людей, а у этих разноцветных бумажек с приятным запахом и у медных крохотулек-копеечек.

– Степанушко, можно? – Зинаида робко постучала в дверь. Степан нахмурился, вот дура-баба, какой он ей «Степанушко», только авторитет подрывает, сколько раз ей говорено было, чтобы не смела его так называть! Степан Афанасьевич он, так зови по батюшке и со всем уважением.

– Чегой надо?

Зинаида протиснулась в дверь осторожно, бочком, толстая корова. Жenu Степан не любил, хотя женился с выгодой, уж больно хорошее приданое положил Зинин батюшка, ныне покойный, все боялся, что дочку его так никто за себя

и не возьмет. Некрасивая она была, толстая, волосики жиденькие, лицо рябое, как яйцо у больной несущки, ко всему еще и глупая.

– Степнашко, – завела свою волюнку жена, – ты только не серчай, там Кириллу, молодшенькому, совсем худо стало, с животом, бедненький, вторые сутки мается. Я дохтура покликать велела. – Она уставилась на него своими глупыми коровьими глазами.

Дура! Дура, как есть! «Дохтура» он позвала, хоть бы выговаривать для начала научилась! Идиотка! А что доктору платить придется, так это ее не волнует?! Подзабыла, небось, науку мужнину, ну ничего, сегодня Степан напомнит этой жирной свиноматке – вон как разнесло-то, ни дать ни взять кадушка с дрожжевым тестом, того и гляди, через край перельется, – кто хозяин в доме.

Подумал, и на душе враз потеплело, особенно умилил его испуг в больших, по-коровьи беспомощных глазах жены: знала, небось, на что шла, когда врача вызывала. Степан Афанасьевич бил жену часто и со вкусом, а она только закрывала лицо толстыми мягкими руками да тихонько повизгивала. Еще отец Степана Афанасий любил приговаривать: «бей бабу молотом – будет баба золотом». Будет, будет, мысленно пообещал Степан, с неприязнью разглядывая блинообразное лицо Зинаиды, а то взяла, видите ли, волю – докторов вызывает.

– Пошли кого сказать, чтоб не шел, пушай передадут, что

все в порядке!

– А дите? Жалко же. – Вот дура, «дите» ей жалко, а денег мужнинных не жалко, которые коновалу отдать придется, чай, за бесплатно никто работать не спешит.

– Дай отвару какого, ну, там, семени льняного или еще чего. Мне тебя учить, что ли?! – внезапно разозлился Степан. Вот прицепилась, корова, как репей!

– Так, Степанушко, – Зинаида жалобно захлопала короткими рыжими ресницами, – он уже пришел.

– И что?

– Тебя позвать велел. Поговорить хочет.

– Что ж ты сразу не сказала, дура! – заорал Степан Афанасьевич. – Веди сюда! Хотя нет, – Директор окинул критическим взглядом свой кабинет: чисто, тепло, уютно, мебель хорошая. Пожалуй, сюда вести незнакомого врача не стоит, еще цену заламывать начнет, а там, внизу, сразу видно – сиротский дом, взять с них нечего. – Сам спущусь. А ты сгинь с глаз моих, чтоб я тебя больше не видел!

Лия

Сегодня впервые я посмотрела на забор, окружавший ТЕРРИТОРИЮ, новыми глазами – глазами насмерть перепуганного человека. Я вообще на работу идти не хотела, но Локи сказал, что это будет выглядеть подозрительно, и пришлось собираться. Как нарочно, все валилось из рук: сказывались бессонная ночь и нервное потрясение... Странное дело, при дневном свете ночные чудища больше не казались такими уж страшными, но... Наша идея, точнее, идея Локи, выглядела еще более идиотской.

Он попросил, чтобы сегодня я ничего не предпринимала. Интересно, что я вообще могу предпринять? Забраться в кабинет директора со связкой отмычек в сумочке? Хотя нет, отмычки придется оставить на пропускном пункте. Тогда протащить мини-камеру? Во-первых, у меня ее нет, а во-вторых, как я собираюсь ее тащить? Поэтому на слова моего незваного напарника или, скорее, сообщника, я ответила утвердительным кивком, но Локи не поверил и повторил свои наставления еще раз. У него вообще все получалось очень просто: я должна вести себя максимально естественно, словно ничего не произошло. Легко ему говорить, а я театральные институты не заканчивала и актрисой стать не мечтала, и вот как мне, после всего услышанного, делать вид, что все хорошо? Позднее, когда я немножко освоюсь с ролью

тайного агента, мне придется не только смотреть по сторонам, вынюхивать и подслушивать, но и провоцировать людей на разговоры. Можно подумать, на любой мой идиотский вопрос собеседник враз осчастливит меня ответом и при этом не станет интересоваться, зачем мне та или иная информация. Глупо, конечно, но, поскольку я уже согласилась на эту авантюру, будем что-то думать.

Локи, видимо, опасаясь, что самостоятельно я до работы не дойду, вызвался доставить меня к месту назначения. На мотоцикле. Байк у него был просто отпаднѳый, нет слов: чернѳый, блестящий, украшеннѳый какими-то не то подвесками, не то бахромой, и очень громкий. Когда мотоцикл завелся, двор аж вздрогнул, а все, кто еще спал, мгновенно проснулись, во всяком случае, мне так показалось. Наверное, весело мы со стороны будем смотреться: впереди Локи, похожий не то на металлиста, не то на бомжа, сзади я, в сером костюме классического покроя и остроносых туфельках.

Несмотря на мои опасения, добрались нормально. Локи высадил, читай – вытряхнул меня аккуратно напротив ворот и умчался в неизвестном направлении, сказал – дела у него.

А я побрела к пропускному пункту с таким чувством, словно иду на казнь.

Наверное, у меня не слишком получалось притворяться, потому что даже молчаливый охранник, от которого ничего, кроме «здравствуйте» и «до свидания», слышать мне не приходилось, заботливо осведомился о моем самочувствии.

Я буркнул что-то насчет головной боли и, опасаясь дальнейших расспросов, прошмыгнула внутрь.

Наверное, мне повезло, в любой другой день меня бы так просто в покое не оставили. Но сегодня... Что-то произошло. Все были какими-то нервными, взъерошенными, такое впечатление, словно кто-то засунул в наш муравейник толстенную палку и хорошенько ею поворошил. Так что моя бледность и легкая растерянность удачно вписывались в общий фон.

Выловив Светлану, я спросила, что случилось, она же, широко и абсолютно фальшиво улыбнувшись, заверила меня, что все в полном порядке. Просто день такой.

Ну, день так день, бывает.

– Как же, день такой, – презрительно хмыкнула Вероника, стоило Светлане уйти, – ничего лучше придумать не могла!

– Но ведь не соврала же, – отозвалась Елизавета Петровна, подкрашивая губы.

Несмотря на запрет, косметикой учителя пользовались всюю, а следили главным образом за тем, чтобы она косметика не попала в руки подопечных.

– Так и правды не сказала.

– А кому она нужна, твоя правда?

– Ей, например, – Вероника вытащила из ящика стола пачку сигарет – неслыханное нарушение режима, и смачно затынулась, – пусть знает, в какое болото влезла.

– Я, пожалуй, на свежий воздух выйду, – заметил Альберт

Эдуардович, одарив Веронику неодобрительным взглядом.

– Иди, иди, – отозвалась та, – надышись, пока можешь.

– Мне кто-нибудь объяснит, в конце концов, что здесь происходит?

На мой пламенный призыв никто не отреагировал. Вероника с мечтательным видом пускала в потолок струйки дыма, Елизавета Петровна, отложив помаду, взялась за карандаш и принялась рисовать в уголках глаз жирные зеленые стрелки. Наталья Сергеевна, поджав тонкие губы, старательно вязала шерстяной носок.

– Ничего. – Наконец Вероника снизошла до объяснения: – Тебе же сказали, день такой... Нехороший.

– Почему нехороший?

– А день, когда в ворота стучится милиция, по определению нехороший.

– Милиция? – Я почувствовала прилив радости. Неужели Локи ошибся? Неужели все обойдется и без нашего, вернее, моего участия?

– Милиция, – подтвердила Ника, – а ты, кажется, и рада?

– Да, то есть, нет. Я думала, случилось что-то действительно серьезное.

– Куда уж серьезнее. – Елизавета оторвалась от зеркальца. – Пришел, задает всякие глупые вопросы о Жене. Зачем, ведь и так все понятно.

– Не знаю, не знаю, – Наталья Сергеевна на минуту перестала стучать спицами, – мне, например, ничего не понят-

но. Странное дело. Зачем ей понадобилось ехать ночью в тот район? Там же ничего нету. Куда она шла?

– Не куда, а к кому, будто вы не знаете, – Вероника затушила окурок о дно фарфоровой кружки. – В том районе Андрей обитает. Все знают, что у них роман был.

– Это только гипотеза, – Наталья Сергеевна не спешила отступить.

– Ага, ваша гипотеза на территории по всем углам обжигалась, словно подростки, им даже босс замечания делал.

– Верно. Но не складывалось у них в последнее время что-то, – Елизавета посмотрела на себя в зеркало и с чувством выполненного долга убрала косметические причиндалы в сумочку. – Женька смурная такая ходила, нервная.

– Точно. И я вспомнила: я у нее какую-то ерунду спросила, а она как вскинется, наорала на меня, а потом сама – в слезы. Натуральная истеричка!

– Наверное, – выдвинула гипотезу Елизавета, – Андрей себе новую пассию нашел, а Женьку по боку, вот она и переживала. Не хотела его отпускать.

– Вот-вот, – Вероника вошла в раж, играть в детектива ей понравилось, – поэтому она на ночь глядя домой к нему и поперлась, надеялась, пожалеет, не выгонит, а там, глядишь, и сладится все. Только наш донжуан порядочной скотиной оказался, хотя я всегда ей говорила: кобель – он и есть кобель, как ни старайся, его не изменишь. Точно вам говорю, выгнал ее Андрейка, она опять в слезы, вот и забрела нена-

роком на пустырь. Судьба... Эх, дуры мы, бабы, из-за какого-то козла жизни лишиться...

– И у меня однажды так было, – Елизавета начала делиться своим жизненным опытом, но я уже не слушала. Надежда угасла, как свеча: милиция приходила из-за Жени, а не из-за того, что происходит на территории приюта, и копала, судя по всему, не в том направлении, совершенно не в том.

Локи

Гера, как всегда, оказался на высоте. Первое время Локи дико удивляло, как, в буквальном смысле слова, сидя на одном месте, можно столько всего узнать. Потом ничего, привык. У Геры связи были везде. Причем это «везде» не ограничивалось какой-либо страной, социальной прослойкой или профессией. Везде означало везде: правительство, модельный бизнес, портовые кабаки, мексиканские контрабандисты, адвокатская коллегия, друзья, собутыльники, товарищи, знакомые, знакомые знакомых. Если бы Гера мечтал о карьере разведчика, ему не было бы цены. Но нет, мальчик хотел стать известным актером. Не сложилось, и Гера стал уникальным специалистом по добыче информации. Вот и сейчас от него пришел замечательный полновесный файл. Локи, даже не заглядывая в него, мог быть уверен: в файле содержится вся более-менее существенная информация, которую можно добыть более-менее легальным путем.

Итак, что мы имеем благодаря стараниям Геры? Церковь Живой веры, она же Церковь обретения Благодати Божьей, здесь же – Союз независимых христианских миссионерских общин. Названий много, суть одна. Во главе секты – Аввакум Иерусалимский, он же Уильям Снольски, потомок польских эмигрантов, прижившихся на благодатной американской почве. Он же: Отец, Проповедник, Мессия, Избранный,

короче, тот, кому открылась Истина, и тот, кто понял, как из этой истины выгоду извлечь. Обычному американскому проповеднику Истина открылась не где-нибудь, а у Гроба Господня, где Господь Бог лично снизошел до скромного праведного американца и выказал свое божественное недовольство состоянием дел на планете. Дескать, люди погрязли во грехах, церковь запуталась в интригах, слова истины потеряны, и вообще, мир вот-вот канет в геенну огненную, если, конечно, на планете не наберется достаточное количество праведников, дабы спасти человечество. И тут же продиктовал, что именно нужно делать, чтобы спастись.

Вернувшись домой, американец не растерялся, написал книгу, потом еще одну, собрал кружок таких же шизонутых и создал собственное учение, смысл которого сводится примерно к следующему: делай, что говорит тебе твой учитель, и на тебя всенепременно снизойдет благодать господня, а заодно и мир спасешь.

В общем, ничего нового американец не придумал... Последний абзац поставил Локи в тупик. На территории Российской Федерации не было зафиксировано деятельности Союза. Аввакум Иерусалимский – это ж надо было себе такой псевдоним придумать! – вообще предпочитал не выбираться за пределы любимых Штатов. Да и секта у него была небольшая, возможно, со временем учение разрастется, на вербует новых сторонников, пойдет по миру широкими шагами, но куда более вероятно, что Снольски нагребет доста-

точно денег и тихонько прикроет секту, или она сама распадется. Одно понятно – он не станет тратить доллары на покорение далекой и плохо изученной России. Значит, кто-то прикрывается его именем или его организацией. Сейчас любые документы изготовить можно, были бы деньги, и мандат личного посланника папы Римского со всеми печатями тебе выправят, а не то, что хлипкое американское удостоверение личности.

Следующий вопрос: а смысл? Зачем представляться филиалом Союза? Полузаконной организации, которая находится у черта на куличках?

Ответ не заставил себя ждать. Именно потому, что секта, и именно потому, что на куличиках. Во-первых, головной офис далеко, значит, здесь о нем информации крайне мало, да и интересоваться никто не станет. Ну, вкладывают буржуи свои капиталистические доллары в детишек, так бог им в помощь. Во-вторых, тот, кто запустил эту карусель, человек умный, заранее планирует свой выход из игры – через год, два, три – не важно. Важно, что когда откроется правда, все грехи спишут на американцев, а там опять же – где та Америка, попробуй, дотянись! А если и дотянешься, радости тебе от этого не прибавится, ибо Уильям Снольски о российском филиале своего Союза знать ничего не знает и ведать не ведает.

Черт... Черт. Черт! С таким ему сталкиваться еще не приходилось. Бывало, секты маскировались под альтернативные

религиозные течения, под психологические клубы, кружки по интересам и так далее, но чтобы кто-то маскировался под секту? С одной стороны, Локи пребывал в замешательстве, а с другой... Если убрать организатора, все развалится, и играть придется против человека, конкретного человека, а не против безликой живучей гидры. В этом были свои преимущества и свои недостатки.

Самое большое преимущество – у больших сект всегда имеются финансовые и человеческие ресурсы. Крысиный король пока один, он никому не доверится настолько, чтобы попросить помощи. И самый существенный недостаток – исполнителям нужно давать команду, отсюда – задержка реакции, которая не раз спасала его шкуру; Крысиный король действует сам, а в уме и оперативности ему не откажешь.

И еще: в конце письма Гера попросил, чтобы Локи срочно с ним связался, причем по телефону, почта, даже сверхбыстрая, электронная, его не устраивала.

Интересно, зачем он понадобился другу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.